

№ 2/2021

СПУТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

межвузовский научный журнал

> Sputnik Vysshey Shkoly
(Higher School Companion)
Journal

Выпуск
Социальные
и гуманитарные
науки

.....
Social Sciences and Arts
.....

ПРАВОВЕДЕНИЕ | ФИЛОСОФИЯ | КУЛЬТУРОЛОГИЯ |
РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ | ФИЛОЛОГИЯ | ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ |
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ | ИСТОРИЯ | ПЕДАГОГИКА | ПСИХОЛОГИЯ |
ЭТНОГРАФИЯ | СОЦИОЛОГИЯ | ПОЛИТОЛОГИЯ |
СОЦИАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ |

<https://sputnik-nauki.ru>

СПУТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

межвузовский научный журнал

№ 2 | 2021

♦ ♦ ♦

выпуск

Социальные и гуманитарные науки

Social Sciences and Arts

.....
Москва — Санкт-Петербург — Ростов-на-Дону — Сочи
.....

Тематические выпуски «СВШ»

Редакция ведет прием авторских материалов в специальные выпуски: «Прикладная и фундаментальная экономика», «Современное право: проблемы и тенденции», «Социальные и гуманитарные науки», «Современный конституционализм: теория и практика».

Максимальный срок рассмотрения авторских текстовых оригиналов — 30 календарных дней. Статьи, не требующие литературной и редакторской обработки, проходят рецензирование и размещаются на бесплатной основе.

Подробная информация доступна по QR-коду или на сайте <https://sputnik-nauki.ru>.

Редакционный совет

БОЙКО Александр Иванович,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Южно-Российского института управления — филиала ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при президенте Российской Федерации» (ЮРИУ РАНХиГС),
доктор юридических наук, профессор (сопредседатель редакционного совета)

• • •

БОНДАРЬ Николай Семенович,
судья Конституционного Суда РФ (2000–2020),
главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ, заведующий кафедрой
муниципального права и природоохранного законодательства
Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ
(сопредседатель редакционного совета)

• • •

АРЕФИНКИНА Екатерина Геральдовна,
заведующая кафедрой уголовного права и процесса Сочинского института
(филиала) Российского университета дружбы народов, кандидат юридических наук

• • •

ГУНИНА Елена Николаевна,
доцент кафедры управления развитием пространственно-экономических систем
Южного федерального университета, кандидат экономических наук

• • •

ИОНОВА Зинаида Николаевна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургской юридической академии,
кандидат исторических наук

• • •

ЛАЗАРЕВ Владимир Александрович,
профессор кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике Юж-
ного федерального университета, доктор филологических наук

• • •

МЕДВЕДСКАЯ Татьяна Константиновна,
доцент кафедры «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»
Донского государственного технического университета,
кандидат экономических наук

• • •

НИКОЛАЕВ Сергей Георгиевич,
заведующий кафедрой английской филологии Южного федерального университета,
доктор филологических наук, профессор

• • •

РАТЬКОВ Александр Николаевич,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ПРАВОВЕДЕНИЕ

- Гимель М. И.** *Научный руководитель: Ратьков А. Н.*
Сущность современной дифференциации уголовного судопроизводства 6
- Майчадзе О. В.** *Научный руководитель: Ратьков А. Н.*
Дознание в системе предварительного расследования преступлений
в дореволюционной России 10
- Фролов В. В.** *Научный руководитель: Ратьков А. Н.*
Антикоррупционная экспертиза муниципальных
нормативных правовых актов и их проектов в системе правового
мониторинга: проблемы организации и методики проведения 17
- Яковлев-Чернышев В. А.** *Научный руководитель: Парий-Сергеенко Е. П.*
О понятии «семья» и о дискуссионных вопросах семейного права
и законодательства 30
- Степаненко А. Г.** *Научный руководитель: Пильников С. Г.*
К вопросу об особенностях уголовно-правовой регламентации
законодательствами зарубежных стран
института освобождения от уголовной ответственности 36

ПОЛИТОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

- Узнародов Д. И.** *Научный руководитель: Бушуева В. В.*
Крымский полуостров в контексте
внешней политики Турецкой Республики 42
- Харкевич А. С., Тудиерова Ю. А.** *Научный руководитель: Бушуева В. В.*
Техногенные факторы цивилизационного развития СССР и России
и их проявление в сфере космических исследований 49

ЛИНГВИСТИКА, ФИЛОЛОГИЯ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Николаев С. Г., Лыткина А. В.** *Научный руководитель: Бушуева В. В.*
Коммуникативная специфика
дискурса ведущего англоязычного ток-шоу 56
- Николаев С. Г., Загоруйко А. Д.** *Научный руководитель: Бушуева В. В.*
Образность в структуре
художественного текста: динамический аспект
(на материале британского романа XX века) 66

УСЛОВНАЯ ИНДЕКСАЦИЯ АВТОРОВ ПО СТАТУСУ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ:

молодой ученый, занимающийся разработкой отдельных аспектов какой-либо научной проблемы под руководством наставника или самостоятельно, имеет опыт исследовательской деятельности на уровне вуза, участвует в региональных научных конференциях;

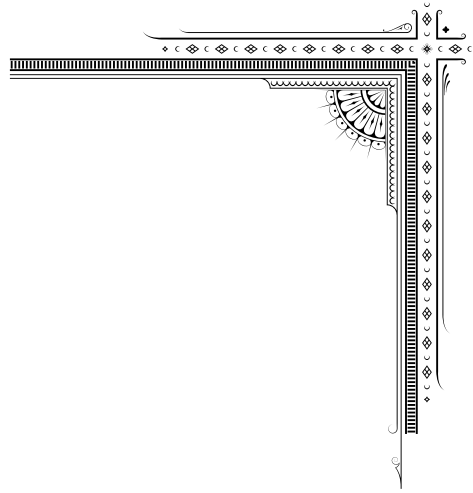
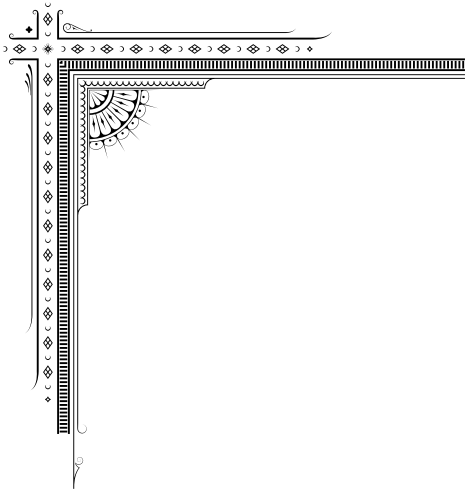
представитель отдельного научного направления (научной школы), имеет ученую степень (звание), систематически участвует в межрегиональных научных форумах, располагает собственными (или в соавторстве) публикациями по исследуемой проблематике;

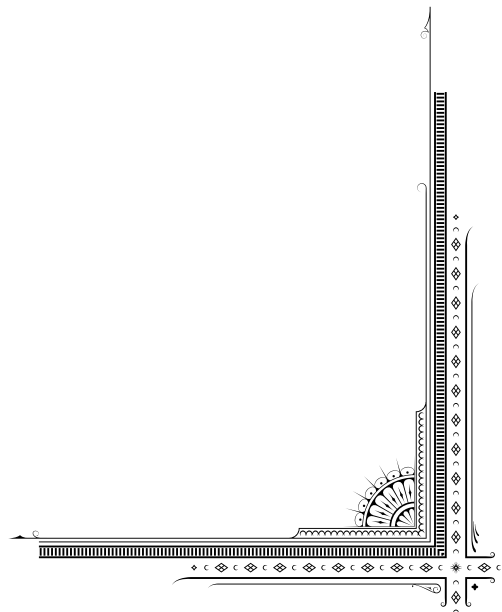
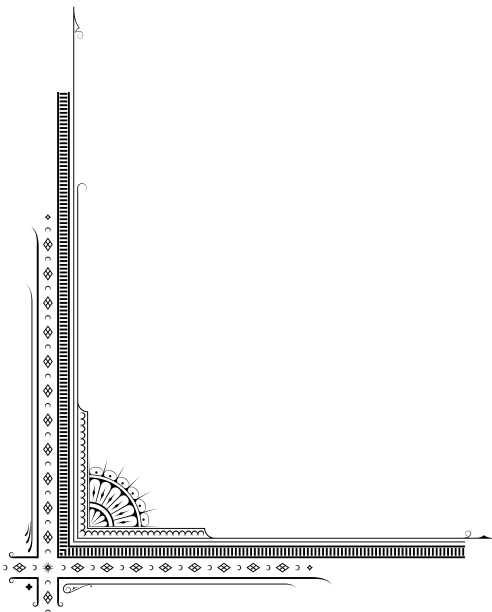
независимый исследователь или исследователь-практик, совмещающий научную и/или педагогическую деятельность с работой по основной профессии; располагает собственными (или в соавторстве) публикациями по исследуемой проблематике;

лидер региональной научной школы; развивает собственное научное направление; является признанным авторитетом в научном сообществе; располагает значительным количеством публикаций по исследуемой проблематике.

Секция
«ПРАВОВЕДЕНИЕ»

УДК 343.13

Гимель М. И.,

студент 2 курса магистратуры,

Сочинский филиал ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Сочи, Россия

© 2021

Научный руководитель: Ратъков А. Н.,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Сочинский филиал

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России)», кандидат юридических наук, доцент, г. Сочи, Россия

СУЩНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Автор систематизирует в своем кратком исследовании закрепленные в действующем УПК РФ порядки производства по уголовному делу, разделяя их на упрощающие и усложняющие процедуры. При этом обращает внимание на значительное снижение гарантированности соблюдения прав и свобод вовлеченных в процесс участников при производстве по делу в упрощенных формах расследования и судебного разбирательства уголовных дел.

Ключевые слова: дифференциация; эффективность; дознание; судебное разбирательство; процессуальная форма; доказательства; гарантии.

Чтобы понять смысл дифференциации в уголовном процессе¹, вспомним, что понимается под дифференциацией вообще. Под дифференциацией понимается разделение, расчленение, расслоение целого на различные части, формы и ступени². А дифференцировать означает «учесть — учитывать различия при рассмотрении чего-либо»³.

Принимая во внимание, что уголовное судопроизводство это, прежде всего, деятельность уполномоченных органов и лиц в строгом соответствии с предписаниями уголовно-процессуального закона по раскрытию преступления, изобличению виновных в их совершении лиц и привлечению их к уголовной ответственности, дифференциации могут подлежать те процедуры, которые регламентируют производство по уголовному делу. То есть, дифференциация уголовного судопроизводства предполагает возможность применения как усложненных процедур

¹ Сразу оговоримся, что, употребляя в тексте статьи словосочетания «уголовное судопроизводство» и «уголовный процесс», мы вслед за законодателем вынуждены понимать под этим одно и то же, поскольку в п. 56 ст. 5 УПК РФ разъясняется, что уголовное судопроизводство — это до судебное и судебное производство по делу.

² См.: Словарь иностранных слов. 18-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1989. С. 175.

³ Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. С. 164.

расследования и рассмотрения уголовных дел, так и процедур, упрощающих производство следственных и процессуальных действий, судебного разбирательства уголовного дела.

Взгляд в нашу отечественную историю позволяет увидеть, что установление каких-либо различий в расследовании или судебном разбирательстве уголовных дел признавалось неправильным и исключалось. Например, такие известные ученые, как Н. С. Алексеев и В. З. Лукашевич [1, с. 98], М. С. Строгович [2, с. 73], П. С. Элькин [3, с. 143] и некоторые другие считали, что порядок производства должен быть одинаковым по всем категориям уголовных дел независимо от тяжести преступления и иных свойств. Данные авторы исходили из того, что любые предложения по упрощению процесса направлены на ослабление процессуальных гарантий и ограничение демократических принципов уголовного судопроизводства. В УПК РСФСР 1960 года закреплялся единый порядок судопроизводства для всех судов, органов прокуратуры, предварительного следствия и дознания. Такое однозначное закрепление процедуры судопроизводства в УПК обосновывалось ответной реакцией на репрессии 1930-х и последующих годов, когда изъятия из общего порядка судопроизводства способствовали забвению процессуальных гарантий и сами стали служить источником распространения нарушений законности¹.

Однако впоследствии от такого подхода к организации производства по уголовным делам отошли; в законе стали появляться процедуры, отличные друг от друга и направленные, как об этом говорят сами реформаторы, на повышение эффективности как предварительного расследования, так и судебного разбирательства. При этом под эффективностью обычно понимают такой способ производства, который позволяет получить наилучший результат с наименьшими затратами и в кратчайшие сроки².

Действующее уголовно-процессуальное законодательство закрепляет как усложненные процедуры производства по уголовным делам, так и упрощенные порядки расследования и судебного разбирательства уголовных дел. При этом исходными, базовыми видами производства выступают предварительное следствие и обычное судебное разбирательство по уголовным делам. Отсюда к усложняющим по сравнению с исходными порядками производства по делу относятся такие виды, как:

- производство в суде с участием присяжных заседателей;
- производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних;
- производство о применении принудительных мер медицинского характера;
- производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц.

Ко вторым, упрощающим (ускоряющим, сокращенным) видам производства принадлежат: дознание в общем порядке; дознание в сокращенной форме; порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением; порядок принятия судебного решения при заключении до-

¹ См., напр.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. С. 14–16; Сычев П. Г. Становление и понятие теории дифференциации уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2015. №9. С. 31 и посл.

² См., напр.: Даровских О. И. К вопросу о дифференциации в уголовном судопроизводстве // Дифференциация уголовного судопроизводства как гарантия обеспечения прав участников уголовного судопроизводства: сборник научных статей. Челябинск: Цицеро. 2015. С. 16.

судебного соглашения о сотрудничестве; производство по уголовным делам частного обвинения. Сюда же следует отнести и появившееся в законе в июле 2016 года производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, несмотря на то, что этот порядок закреплен в четвертой части УПК РФ, сконцентрировавшей в себе особые процедуры производства, предусматривающие усложнения по сравнению с базовыми порядками. Анализ предписаний по применению судебного штрафа не свидетельствует о том, что вновь предусмотренный способ освобождения от уголовной ответственности является усложненным.

Приведенный перечень отступлений от общего порядка производства по уголовным делам указывает на целую систему особых видов производств. Наше современное процессуальное законодательство изобилует различными возможными вариантами производства по уголовным делам, как на досудебных стадиях, так и в суде. Настораживают в этом случае не усложненные процедуры производства по уголовным делам, поскольку они включают в себя дополнительные гарантии соблюдения прав вовлекаемых в процесс лиц, а все увеличивающийся перечень упрощенных (ускоренных, сокращенных) порядков расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. В этой связи как никогда актуальным становится давно известное мнение классика уголовного процесса П. А. Лупинской о том, что результатом дифференциации уголовного судопроизводства в направлении его упрощения может стать ликвидация части процессуальных гарантий [4, с. 24]. Изучение современной юридической литературы и практики правоприменения свидетельствует, что такие опасения были обоснованными, и сегодня доказательно можно говорить о целом ряде уже устоявшихся упрощенных процедур, при которых способы обеспечения процессуальных гарантий поколеблены.

В рамках статьи кратко остановимся лишь на регламенте дознания в сокращенной форме и последующем производстве по делу, оконченному в такой форме расследования, в особом порядке судебного разбирательства.

Действующий порядок дознания в сокращенной форме допускает использование в качестве доказательств сведений, полученных при проверке сообщения о преступлении, то есть сведений, добытых еще до возбуждения уголовного дела. Но такие сведения при их наличии фиксируются в отступление от процессуальной формы и, следовательно, они не могут отвечать требованиям доказательств. Кроме того, раз не выдержана установленная законом процессуальная форма получения доказательств, то и гарантий объективности содержащейся в таких материалах информации нет¹. При таких обстоятельствах сомнения в объективности собранных «доказательств» мог бы развеять суд при рассмотрении уголовного дела

¹ Более подробно об этом и недостатках дознания в сокращенной форме см.: Ратьков А. Н. Недостатки регламента дознания в сокращенной форме, отрицательно влияющие на качество расследования // Академический вестник Ростовского ф-ла Российской таможенной академии. 2016. №2. С. 68–72; Он же: Обоснованность некоторых предложений по изменению порядка производства на досудебных стадиях уголовного процесса // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики — 2016: сб. тезисов ежегодной междунар. научно-практ. конф. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2016. С. 449–452; Он же: Дознание как этап деятельности по проверке сообщения о происшествии // Следствие в России: три века в поисках концепции: мат-лы Международной науч.-практ. конф. (Москва, 12.10.2017) / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М.: Московская академия Следственного комитета РФ, 2017. С. 157–160.

по существу. Однако расследованное в сокращенной форме дознания уголовное дело по требованию того же законодателя безальтернативно подлежит рассмотрению в особом порядке судебного разбирательства. А этот порядок не предусматривает исследования судом имеющихся в деле доказательств. В основу приговора ложатся признательные показания обвиняемого, полученные в ходе досудебного производства, услышать и хотя бы как то проверить которые суд не обязывается. То есть, суд констатирует решение, уже принятое на стадиях до проведения судебного заседания, не подвергая проверке доказательства судебным следствием.

Представляется, что подобный порядок производства по уголовному делу исключает возможность обеспечения прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовный процесс. При особом порядке судебного разбирательства нарушаются такие общие его условия, как непосредственность и устность, что устраняет гарантии законного и справедливого приговора. Следовательно, стремление законодателя оптимизировать судопроизводство, повысить его эффективность в случае с конструкцией затронутых в статье процедур производства по делу получило обратный эффект. Скорое правосудие в этом случае оказалось выше приоритета защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Состоявшаяся дифференциация уголовно-процессуальных регламентов в упомянутых случаях привела к формализации уголовного процесса, что, в свою очередь, повлекло, как думается, утрату им своего назначения. Выходом из сложившейся ситуации может стать вдумчивый пересмотр регламентов производства по уголовным делам, относящихся к упрощающим и ускоряющим процедуру расследования или судебного рассмотрения уголовных дел.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев Н. С., Лукашевич В. З. Претворение ленинских идей в советском уголовном судопроизводстве. Л., 1979.
2. Строгович М. С. Процессуальные формы правосудия. Демократические основы советского социалистического правосудия. М., 1965.
3. Элькин П. С. К вопросу о суммарном судопроизводстве // Сибирские юридические записки. — Вып. 3. — Иркутск-Омск, 1973.
4. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М.: Инфра-М, 2010.

Gimel M. I., 2nd-year Master's student of the master's program,
Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)
Academic Supervisor: Rat'kov A. N., Associate Professor of the Department of Criminal Disciplines,
Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Cand. Sc. Law, Associate Professor, Sochi, Russia

THE ESSENCE OF THE MODERN DIFFERENTIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The author systematizes in his brief study the procedures of criminal proceedings fixed in the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, dividing them into simplifying and complicating procedures. At the same time, he draws attention to a significant decrease in the guarantee of compliance with the rights and freedoms of the participants involved in the process during the proceedings in the simplified forms of investigation and trial of criminal cases.

Key words: differentiation; efficiency; inquiry; judicial proceedings; procedural form; evidence; guarantees.

УДК 343.10

Майчадзе О. В.,

© 2021

*студентка 2 курса магистратуры,
Сочинский филиал ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)», г. Сочи, Россия*

Научный руководитель: Ратков А. Н.,

*доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Сочинский филиал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент, Сочи, Россия*

ДОЗНАНИЕ В СИСТЕМЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В статье автор на основании анализа дореволюционного закрепления порядка предварительного расследования уголовных дел обосновывает важность учета исторического опыта при современной организации досудебного производства. Отмечает положительные стороны того периода отечественного законодательства и формулирует предложения по конструкции начального этапа производства по делам об общественно опасных деяниях в действующем законодательстве.

Ключевые слова: дознание; предварительное следствие; формальное следствие; происшествие; преступление; проверочные действия.

В настоящее время на фоне общего снижения количества совершаемых преступлений в числе регистрируемых деяний опережающими темпами растет количество преступлений, по которым предварительное следствие необязательно. Следовательно, возрастает объем преступлений, расследуемых органами дознания в заданной законом форме — форме дознания в общем порядке или в сокращенной форме дознания, что влечет за собой возрастание роли дознания как одной из форм предварительного расследования. В то же время известно, что данные формы расследования, а особенно производство по уголовным делам в сокращенной форме дознания, вызывают много критики. Б. Я. Гаврилов, например, призывает вообще упразднить данную форму дознания и вместо нее ввести протокольную форму расследования, которая бы отличалась от уже существовавшей ранее протокольной формы досудебной подготовки материалов [1, с. 92]. Радикальные варианты изменения всего досудебного производства предлагает А. С. Александров, ратующий за «прокурорское дознание» вместо предварительного следствия [2]. То есть, предпринимаются попытки вновь изобрести доселе неизвестные способы расследования уголовных дел.

В связи с таким намерением очередного реформирования уголовного процесса, своевременным представляется вопрос, формулируемый профессором А. И. Бойко, который пишет: «Россию в злую шутку именуют страной без прошлого или с неизвестным прошлым в силу нашей национальной привычки время от времени менять вектор своего развития строго в противоположную сторону, обрушиваясь с критикой на своих предшественников. В этой связи уместно задаться вопросом — продуктивно ли постоянно отрекаться от собственного исторического опыта?» [3, с. 18].

Вопрос, конечно, риторический. Недавние работы по истории следственного аппарата России¹ стали основой для учреждения Дня сотрудника органов следствия Российской Федерации², который теперь отмечается 25 июля каждого года. Именно данная дата выбрана в связи с тем, что в этот день в 1713 году Петром I был издан именной Указ «О создании следственной канцелярии гвардии майора М. И. Волконского», которая впоследствии стала называться «майорской» следственной канцелярией. По утверждению Д. О. Серова эта канцелярия явилась первым государственным органом России, наделенным полномочиями по проведению предварительного следствия [4, с. 207]. Таким образом, институту расследования преступлений в России уже более 300 лет и не учитывать такой богатый опыт становления в собственном отечестве порядка производства по уголовным делам неправильно.

В то же время более или менее похожая на современное построение система органов предварительного расследования и процедура производства по уголовным делам сложилась к середине XIX века, и связана она с реформами 1860-х годов. Становление порядка расследования уголовных дел и органов предварительного расследования в России, начиная с XIX в., проходило в течение нескольких этапов. Первый этап длился до законодательных реформ 1860-х годов. В это время судопроизводство осуществлялось по Своду законов Российской империи 1832 года, в основу которого легли законоположения Петра I и Екатерины II, дополненные их преемниками³. Данный этап был выражен в сформированной системе уголовного судопроизводства, основанной на полномочиях полиции, квартальных надзирателей, следственных приставов по осуществлению расследования⁴.

¹ Серов Д. О. Гвардейцы-криминалисты Петра I: Из истории организации и деятельности «майорских» следственных канцелярий (1713–1723 гг.) // Ораниенбаумские чтения: Сб. научных статей и публикаций. СПб., 2001. Вып. 1; Монахов А. А., Серов Д. О. У истоков следственного аппарата России // материалы Международной научно-практической конференции: Сб. научных статей и публикаций. М., 2013. Ч. 1. С. 286–291; Серов Д. О., Монахов А. А. Зарождение следственного аппарата России (1713–1717 гг.) // Вестник Следственного комитета РФ. — 2013. — №4; Цветков Ю. А. Исторические этапы развития органов предварительного следствия в России // История государства и права. — 2015. — №3. — С. 33–38.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 27 августа 2013 г. № 741 «О дне сотрудника органов следствия Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Радута Р. В. Развитие уголовного судопроизводства в России в XIX веке. Историко-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 19.

⁴ Мухаметшин Ф. Б., Адигамова Г. З. Генезис института предварительного следствия в России: перспективы его развития и совершенствования // История государства и права. — 2010. — №7. — С. 2–5.

Согласно Своду законов Российской империи производство по уголовным делам делилось на три части: следствие, суд и исполнение наказания. Следствие, в свою очередь, распадалось на предварительное (*inquisition generalis*) и формальное (*inquisition specialis*)¹.

Сущность предварительного следствия состояла в определении признаков преступления и лица, виновного в его совершении, для чего могли быть проведены допросы, обыски, выемки, личные осмотры, экспертиза, вызов и привод подозреваемого.

Формальное же следствие должно было привести в совершенную известность «над каким лицом или имуществом преступление учинено, в каком действии состояло, каким способом, или орудием, когда, где, с намерением или без намерения произведено». Все обстоятельства дела оно должно было привести «в такую ясность и полноту, чтобы суд не мог встретить ни малейшего затруднения или сомнения для постановления по делу приговора» [5, с. 34].

Такой, пусть и не глубокий, взгляд в наше прошлое с наличием знаний о современном построении начального этапа производства по делу не может не вызвать соблазна признать тот порядок более эффективным, чем нынешний. Чины полиции, осуществлявшие предварительное следствие, а в современном варианте — проверку сообщения о преступлении, выполняли первоначальные необходимые действия, чтобы закрепить следы происшествия, установить виновное в этом деянии лицо и дать квалификацию событию. И только в случае обнаружения в этом событии признаков конкретного преступления материалы передавались для дальнейшего производства формального следствия. То есть, до констатации факта наличия в деянии преступления, лица, уполномоченные производить формальное следствие, не задействовались, не отвлекались от своей основной работы. Этого нельзя сказать о современном порядке проверки сообщения о преступлении, когда сбором и проверкой информации о происшествии, до вывода о наличии преступления, занимаются и оперативные сотрудники соответствующих правоохранительных органов, и дознаватели, и следователи.

Дальнейшее развитие порядка расследования уголовных дел в России связано с Судебной реформой 1864 года.

В соответствии с Уставом уголовного судопроизводства, представляющим один из четырех актов Судебной реформы 1864 года, право производства следствия передавалось органам юстиции. Учреждались должности судебных следователей. В отличие от терминологии Свода законов Российской империи 1832 года, формальное следствие стало именоваться предварительным следствием, а то, что именовалось предварительным следствием, получило термин дознание². Как свидетельствовал С. И. Викторский, дознание, имея с предварительным следствием одну и ту же цель в установлении признаков преступления и по возможности в открытии виновника преступного деяния, сильно отличалось от него в других отношениях, являясь лишь подготовкой почвы для деятельно-

¹ Ратьков А.Н. Дознание: прошлое, настоящее, будущее: Монография. Сочи, 2009. С. 7.

² Перфильев В.В. Следствие в пореформенной России // Следователь: теория и практика деятельности. — 1895. — №1. — С. 27.

сти следователя и основанием для начатия судебного производства. Оно не было обставлено никакими формальностями, не имело судебного характера, и всегда должно было быть тайным. Именно поэтому дознание в основном осуществлялось полицией, а также другими административными органами, под контролем прокуратуры [6, с. 317].

Функции по осуществлению дознания были возложены как на органы общей полиции, так и на органы специальной полиции. Общая полиция, земская, городская, столичная осуществляла дознание по всем преступлениям, совершаемым на подведомственной им территории. Наравне с ней действовала и специальная полиция, лесная, таможенная, по делам печати и др. К специальной полиции также относилось начальство обвиняемых должностных лиц, поскольку на них лежала обязанность дознания и предварительного следствия. Когда речь шла об осуществлении дознания в отношении должностных лиц, вся деятельность общей полиции ограничивалась донесением или сообщением о дошедших до ее сведения преступлениях. В таких случаях судебное установление и начальство обвиняемого, заменяя собой общую полицию, осуществляли дознание. Устав уголовного судопроизводства также наделял правом производства дознания жандармский корпус, который осуществлял дознание по проступкам, совершенным на железных дорогах, а также по преступлениям политическим. Кроме того, к органам дознания относились начальники сыскных отделений и их помощники. Качество работы органов полиции зависело от личного состава и организации ее деятельности. Специальной судебной полиции в России не существовало, дознание проводилось обыкновенной общей полицией, на которую, помимо производства дознания, возлагалось огромное количество и других обязанностей, поэтому данная деятельность зачастую являлась для них второстепенной, что оказывало негативное влияние на качество производства дознания.

Еще одним органом, имеющим право на производство дознания, являлись чины судебного ведомства: судебные следователи, мировые судьи, коллегияльный суд. Данным органам, наравне с полицией, принадлежало право производить дознание по всем преступлениям и проступкам, однако закон уполномочивал их на производство дознания в большей части лишь по тем преступлениям, которые усмотрены ими лично. При производстве по особо важным политическим преступлениям чины судебного ведомства могли признаваться исключительными органами дознания, всецело устранившими полицию¹.

Дознание не являлось судебной деятельностью и не сопровождалось мерами личного принуждения. Оно не только не предполагало готового обвинения, но при начале дознания еще не было известно, есть ли место обвинению вообще, поэтому усилия органов дознания были направлены на собирание необходимых для этого сведений. Задачей дознания было разъяснение сомнения, но не суда, а самого обвинителя.

При производстве дознания все нужные сведения собирались посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением.

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Общественная польза, 1912. Т. 2. С. 358.

Производить обыски или выемки в домах не дозволялось. Если имелись достаточные основания подозревать лицо в совершении преступления, а следователь отсутствовал, то органы дознания наделялись правом привода и задержания подозреваемого. Наиболее широкими полномочиями обладала жандармская полиция; при производстве дознания по политическим преступлениям ей предоставлялось право проводить осмотры, освидетельствования, обыски и выемки, а также первоначальные допросы; призывать свидетелей, переводчиков; принимать меры к розыску обвиняемого, скрывшегося от преследования.

Детальная регламентация производства дознания в Уставе уголовного судопроизводства отсутствовала. Однако, по утверждению И. Я. Фойницкого, это не являлось недостатком или пробелом в законодательстве, не причиняло неудобств органам, его производящим, поскольку установление формальных требований в этой стадии было бы не только бесполезно, но даже вредно для интересов уголовного правосудия. «Порядок и образ действий полиции по производству дознания, — отмечал автор, — закон избегает регламентировать с точностью... для того именно, чтобы не стеснить полицию в этой деятельности, по существу своему требующей быстроты и целесообразности соответственно изменяющимся обстоятельствам» [7, с. 377].

Признавалось, что осуществление дознания именно органами полиции, оказывает положительное влияние на качество следственной работы. Обосновывалось это следующим образом. Во-первых, «полиция, дабы не сообщать следователю неверных сведений, по необходимости должна будет сперва сама удостовериться в справедливости того, о чем доносит, а через то число неосновательных следствий значительно уменьшится». Во-вторых, «судебный следователь, не участвуя в первоначальных розысканиях и посему не увлекаемый первыми, иногда ошибочными заключениями, догадками, предполагаемым виновным, может беспристрастно, без всяких предубеждений судить о вероятности возводимых на кого-либо подозрений»¹.

Если органы дознания приходили к утвердительному выводу о наличии преступного деяния, то они передавали материалы произведенного дознания судебному следователю. Передавая дознание следователю, полиция доносила о том прокурору или его товарищу². После передачи материалов органы дознания могли продолжить принимать участие в деле, и не только если на то имелись особые поручения следователя или прокуратуры, но и без таковых. Они продолжали собирать дополнительные сведения по делу и по мере их получения сообщали об этом следователю или прокурору. В случае, если орган дознания не приходил к утвердительному ответу, он, не делая никаких распоряжений, передавал материалы дознания прокуратуре, которая принимала решение либо о его прекращении, либо о направлении его по подсудности для дальнейшего рассмотрения.

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Издание Государственной канцелярии. Ч. 5. СПб., 1866. С. 46.

² Радуту Р. В. Развитие уголовного судопроизводства в России в XIX веке: историко-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 22.

Таким образом, в существовавшем порядке производства по делам об общественно-опасном деянии (происшествии, правонарушении, преступлении) видна первоначальная сущность дознания, состоявшая в административной деятельности по проверке поступившего сообщения о происшествии. Процессуальная (в современном понимании) деятельность могла осуществляться только следователем и только по делу о преступлении, вывод о наличии которого делался на основании материалов, собранных органами дознания. В этой связи вполне обоснованными представляются предложения А. Н. Ратькова и Н. А. Самыловской о том, что дознание сегодня должно приобрести свой первоначальный вид и смысл, и представлять собой строго регламентированную административным законодательством предварительную проверочную деятельность поступивших заявлений и сообщений об общественно опасных происшествиях. «При подтверждении в ходе проверочной деятельности (дознания) наличия в происшествии признаков состава преступления, — утверждают они, — дознание должно завершаться направлением материалов проверки следователю, который и будет принимать решение о возбуждении уголовного дела или возвращении материалов проверки для доработки в орган дознания. Если результаты проверки будут свидетельствовать об отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела, то решение об отказе в его возбуждении вправе принимать и дознаватель» [8, с. 159].

Подтверждается народная мудрость: все новое — хорошо забытое старое.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гаврилов Б.Я. Соответствуют ли процессуальные формы предварительного расследования требованиям судопроизводства в Российской Федерации? // Государство и право. — 2020. — №4. — С. 87–95.
2. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / исполн.: А. С. Александров и др. М., 2015.
3. Бойко А.И., Сашенко А.А. Прошлое и будущее отечественной уголовно-правовой доктрины // Спутник высшей школы. — 2021. — №1. — С. 18–39.
4. Серов Д. О. Гвардейцы-криминалисты Петра I: Из истории организации и деятельности «майорских» следственных канцелярий (1713–1723 гг.) // Ораниенбургские чтения: Сб. научных статей и публикаций. СПб., 2001. Вып. 1. С. 207.
5. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Общественная польза, 1912. Т. 1.
6. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1912.
7. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Общественная польза, 1912. Т. 2.
8. Ратьков А.Н., Самыловская Н.А. Дознание как этап деятельности по проверке сообщения о происшествии // Следствие в России: три века в поисках концепции: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12 октября 2017 года) / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. С. 157–160.

Maychadze O. V.,

*2nd-year student of the master's program,
Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Sochi, Russia*

Academic Supervisor: Rat'kov A. N.

*Associate Professor of the Department of Criminal Disciplines
Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Cand. Sc. Law, Associate Professor, Sochi, Russia*

INQUIRY IN THE SYSTEM OF PRELIMINARY INVESTIGATION OF CRIMES
IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

In the article, the author, based on the analysis of the pre-revolutionary consolidation of the procedure for preliminary investigation of criminal cases, justifies the importance of taking into account historical experience in the modern organization of pre-trial proceedings. Notes the positive aspects of that period of domestic lawmaking and formulates proposals for the construction of the initial stage of proceedings in cases of socially dangerous acts in the current legislation.

Key words: inquiry; preliminary investigation; formal investigation; incident; crime; verification actions.

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА
МУНИЦИПАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ
АКТОВ И ИХ ПРОЕКТОВ
В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА:
ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ
И МЕТОДИКИ ПРОВЕДЕНИЯ

Статья посвящена антикоррупционной экспертизе муниципальных нормативных правовых актов — одному из важнейших механизмов сдерживания коррупции в сфере местного самоуправления, который выступает одновременно специфической мерой профилактики коррупционных проявлений на уровне муниципальной власти. Автор дает характеристику организационно-методического обеспечения данного вида экспертной деятельности. Особое внимание уделено анализу соотношения понятий «правовая экспертиза» и «антикоррупционная экспертиза» в рамках обозначенной предметной области. В работе рассмотрены особенности применения единой Методики проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции; обозначены проблемы, стоящие перед законодателем в плане развития нормативной базы экспертизы муниципального правотворчества на коррупциогенность, а также сформулированы направления совершенствования данного вида экспертной деятельности на современном этапе.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза; нормативные правовые акты; коррупция; коррупциогенность.

Система органов местного самоуправления, к которым, согласно ст. 34 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», относятся представительные органы муниципальных образований, главы муниципальных образований, местные администрации (исполнительные органы муниципального образования), контрольно-счетные структуры, а также иные органы и выборные должностные лица, статус и полномочия которых определяются уставом муниципального образования, являются основой существующей властной вертикали в России. Именно органы местного самоуправления призваны оперативно реагировать на потребности и запросы жителей своей территории, обеспечивая необходимое качество жизни граждан.

От активности администрирующих структур муниципалитетов, которая в немалой степени связана с регулированием разного рода правоотношений, а следовательно, с нормотворчеством, зависит оценка гражданским обществом эффективности институтов государственной власти в целом. При этом муниципальная власть не входит (на основании ст. 4 № 131-ФЗ) в систему органов государственной власти, а значит, не имеет прямого доступа к федеральному бюджету и вынуждена в процессе своей деятельности опираться главным образом на экономические возможности территории, на которую распространяются ее полномочия.

Сочетание ограниченности финансовых ресурсов и колоссального объема вопросов, требующих постоянного внимания для поддержания нормальной жизнедеятельности муниципального образования, приводит порой к перекосам в характере управления территорией, злоупотреблению полномочиями со стороны различных муниципальных структур или отдельных должностных лиц. Причиной такого положения дел не в последнюю очередь служит качество нормативных правовых актов, которые определяют принципы функционирования муниципального аппарата и легитимируют принятие тех или иных управленческих решений. Речь в данном случае, очевидно, идет о потенциально возможной коррупционной составляющей, содержащейся в нормативной документации.

Противостояние коррупции — задача системная, крайне сложная. Некоторые исследователи утверждают, что справиться с этой проблемой в принципе невозможно, предлагая сосредоточить усилия на обеспечении «социально терпимого» уровня коррупции. В этой связи важную роль играет комплекс профилактических мероприятий организационного характера и, в частности, антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов. В то же время, имея сравнительно небольшую историю своего развития, антикоррупционный мониторинг в России сталкивается сегодня с рядом серьезных вызовов.

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей экспертизы на коррупциогенность применительно к нормативным правовым актам муниципального уровня, следует определиться со специальной терминологией.

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов как предмет исследования

Понятийный аппарат, описывающий рассматриваемое нами явление, — антикоррупционную экспертизу нормативной документации — в современной отечественной научной сфере не оформился ещё окончательно. Хотя отдельные работы, посвященные различным аспектам борьбы с коррупцией в административной среде, а также исследованию путей сдерживания коррупционной угрозы в сфере правотворчества, появляются достаточно регулярно.

Так, можно опереться на труды, связанные с дифференциальной характеристикой экспертизы на коррупциогенность в формате независимой экспертной деятельности (работы Е. В. Каменской, А. А. Ефремова, А. А. Рождествина); в формате государственной экспертизы (А. М. Цирин, Ф. П. Васильев) и прокурорской экспертизы (М. В. Костенников, А. В. Куракин и др.).

Антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов муниципального уровня посвящены труды Л. А. Андреевой и А. Ю. Кирьянова, Н. В. Вантеевой и А. Ю. Гулягина.

Методику экспертизы на коррупциогенность рассматривали в своих исследованиях М. П. Клейменов, Ю. А. Тихомиров, Т. Я. Хабриева и др.

Следует отметить, что до сих пор в юридической литературе встречается смешение понятий «проверка» и «экспертиза», «коррупционность» и «коррупциогенность», что доставляет немало неудобств при систематизации интересующей нас предметной области.

Такая «подвижность» в научном видении проблемы обусловлена сравнительно короткой историей антикоррупционной экспертизы административной документации как таковой, насчитывающей полтора десятилетия активного развития. Даже к существующему базовому документу — Методике проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции (далее — Методике), — есть немало претензий как у практиков, так и у теоретиков антикоррупционной экспертизы. Можно констатировать, что сегодня эмпирическая составляющая в отношении экспертной деятельности этого вида продвинулась значительно дальше не только по сравнению с действующим законодательством, но и по сравнению с глубиной научной проработанности проблемы.

Для целей данной статьи принципиально важно сформулировать дефиниции, необходимые для описания природы явления. В первую очередь это касается терминов «коррупциогенность», «коррупционный фактор», «нормативный правовой акт», «антикоррупционная экспертиза».

Под *коррупциогенностью* мы будем понимать «риск, возможность юридически обязательного толкования нормативных правовых актов в целях незаконного возложения обязанностей, создания препятствий для осуществления прав, необоснованного привлечения к ответственности, а равно противоправного освобождения от исполнения обязанностей и от привлечения к ответственности» [1].

В качестве *коррупциогенных факторов* выступают «положения нормативных правовых актов (их проектов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции» [2, с. 4]. Методика проведения антикоррупционной экспертизы определяет две группы таких факторов (установлены постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»):

1. Факторы, устанавливающие необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил со стороны правоприменителя (широта дискреционных полномочий, определение компетенции по формуле «вправе», выборочное изменение объема прав, чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества, принятие нормативного правового

акта за пределами компетенции, заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий, отсутствие или неполнота административных процедур, отказ от конкурсных (аукционных) процедур, нормативные коллизии).

2. Факторы, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям (наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права; злоупотребление правом заявителя государственными органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами); юридико-лингвистическая неопределенность).

В научной литературе, однако, встречаются и авторские варианты классификации. К примеру, небезынтересен, на наш взгляд, подход, при котором факторы коррупциогенности структурируют в три класса [3, с. 11]:

а) факторы, связанные с ненадлежащим установлением и применением административного усмотрения (широта дискреционных полномочий, определение компетенции по формуле «вправе», выборочное изменение объема прав);

б) факторы, связанные с ненадлежащей регламентацией административных процедур (наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права; злоупотребление правом заявителя органами государственной власти или органами местного самоуправления и их должностными лицами; отсутствие или неполнота административных процедур; отказ от конкурсных (аукционных) процедур);

в) факторы, связанные с дефектами правотворческого процесса и юридической техники (чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества, принятие нормативного правового акта за пределами компетенции, заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий, юридико-лингвистическая неопределенность, нормативные коллизии).

Учитывая, что данное научное направление в юриспруденции всё ещё находится в стадии становления, по нашему мнению, стремление оптимизировать, усовершенствовать терминологию должно всячески приветствоваться.

Нормативным правовым актом (НПА) будем именовать официальный документ, который издан правотворческим органом в рамках его компетенции и направлен на установление, изменение или отмену правовых норм. При этом в качестве *правовой нормы* служит обязательное для исполнения на определенной территории предписание (постоянного или временного характера).

Что касается *антикоррупционной экспертизы* нормативных правовых актов, то ее цель осуществлять раннее выявление коррупциогенных факторов, создающих потенциальную возможность для коррупционных решений и действий субъектов правоприменения (должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, органов управления и руководителей коммерческих и некоммерческих организаций) посредством анализа контента нормативных правовых актов с держательной точки зрения, а также в формально-юридическом плане.

Отдельного внимания заслуживает вопрос разграничения понятий «*правовая*» и «*антикоррупционная*» экспертиза, несмотря на известное сходство их объ-

ектов и отчасти целей. При правовой экспертизе (правовом аудите) проводится юридическая оценка формы правового акта, предмета правового регулирования, содержащихся в нем норм, порядка принятия и обнародования (опубликования), а также компетенции органа, принявшего указанный правовой акт, с точки зрения соответствия требованиям федерального законодательства и юридической технике [4, с. 6]. Антикоррупционная же экспертиза исследует НПА или его проект на предмет наличия и исключения коррупциогенных факторов.

Если говорить более предметно, то отличие правовой экспертизы от антикоррупционной выражается в правовом основании для проведения указанных типов экспертиз, установленных регламентных сроках и результате самой экспертной деятельности.

Поясним: в то время как правовая экспертиза проводится должностными лицами в рамках компетенции, определенной подзаконными актами, антикоррупционная экспертиза НПА и их проектов опирается на положения Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ. Срок осуществления экспертных мероприятий — и для правовой, и для антикоррупционной экспертиз правовых актов — установлен продолжительностью до 30 дней. Однако период проведения правовой экспертизы в отдельных случаях может быть продлен (не более чем на месяц), в отношении же антикоррупционной экспертизы продление не предусмотрено. Заключение, составляемое в результате проведения правовой экспертизы, фиксирует факт соответствия или же несоответствия НПА положениям Конституции РФ, федеральным законам и региональным актам; а выводы антикоррупционной экспертизы указывают на наличие/отсутствие коррупциогенных факторов в документе или его проекте.

Кроме того, по результатам экспертизы правового характера, как правило, предлагается коррекция нелегитимной правовой нормы; экспертное заключение антикоррупционного исследования, напротив, требует исключить выявленный коррупциогенный фактор.

Важно, что объектом антикоррупционной экспертизы в общем случае могут выступать не только нормативные правовые акты (и их проекты), но и иные правовые документы (многосторонние договоры, соглашения, проекты технической документации, заключения специалистов и т. д.), получившие в ученой среде наименование «факультативных объектов экспертизы» [5].

Обобщить вышесказанное можно следующим образом: правовая и антикоррупционная экспертизы хотя и близки «по духу», все же смотрят на объект под разными, так сказать, углами зрения: для первой существенна законность оцениваемого документа, для второй — отыскание нормативных дефектов прокоррупционного свойства; для первой важны ошибки технического плана, для второй — изъяны текста документа, представляющие собой социальную опасность.

Ряд отечественных правоведов склонны рассматривать антикоррупционную экспертизу как подвид правовой. Так, Т. Я. Хабриева отмечает, что «антикоррупционная экспертиза не может рассматриваться только как средство выявления коррупциогенных факторов, сопряженное в том числе с технологией правового мониторинга, а выступает дополнительным инструментом обеспечения качества актов, их большей эффективности» [6].

Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов (далее — антикоррупционная экспертиза) существует в трех ипостасях (видах) — государственной, общественной и независимой.

Государственную антикоррупционную экспертизу осуществляют администрация Президента России, аппараты Правительства РФ, Федерального Собрания РФ и Министерства юстиции РФ, органы прокуратуры, федеральные органы исполнительной власти и органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления. *Общественная* антикоррупционная экспертиза — прерогатива различных общественных объединений и организаций. *Независимая* антикоррупционная экспертиза проводится частными независимыми экспертами, а также институтами и структурами гражданского общества России. По данным Минюста, в качестве независимых экспертов на сегодняшний день аккредитовано 445 юридических и 2804 физических лиц [7].

Базовый пакет нормативно-правовой документации, регламентирующий процедуру антикоррупционной экспертизы, включает в себя:

■ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» относит антикоррупционную экспертизу правовых актов и их проектов к одной из основных мер профилактики коррупции (ч. 2 ст. 6);

■ Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» установил правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения (ч. 1 ст. 1);

■ Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»;

■ Правила и Методику проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления.

Перечисленные выше федеральные законы и подзаконные акты формируют единую концепцию антикоррупционного мониторинга, которая подчиняется системе руководящих принципов (условий), подразумевающих:

● обязательность проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов;

● оценку НПА или его проекта во взаимосвязи с другими нормативными правовыми актами (имеющими более высокий правовой статус или регулирующими ту же сферу правоотношений);

● обоснованность, объективность и проверяемость результатов антикоррупционной экспертизы (экспертное заключение должно включать в себя обоснованные выводы, касающиеся наличия/отсутствия в тексте НПА коррупциогенных факторов; экспертиза должна исключать предвзятость, а также обеспечивать возможность сопоставления приведенных доводов с объективными данными);

● компетентность лиц, проводящих экспертизу;

● тесное сотрудничество структур государственной власти, государственных органов и организаций, органов местного самоуправления, их должностных лиц

с институтами гражданского общества, а также публичность экспертных мероприятий и возможность проведения независимой антикоррупционной экспертизы.

Прикладные вопросы организации антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов

Муниципальные нормативные правовые акты, являющиеся объектом антикоррупционной экспертизы, представляют собой огромный массив регулярно обновляющихся документов, значительно различающихся как по применяемым в них юридическим конструктам и регламенту изложения норм, так и по своей правовой природе, а также регулируемым отношениям.

В зависимости от территории, в пределах которой расположено муниципальное образование, и субъекта Федерации, к которому оно относится, формируется особая модель управленческой деятельности системы органов местного самоуправления. Это обуславливает отличия в организации процесса нормотворчества, а также свойственные только данной, конкретной территории нюансы адаптации федеральных правовых норм к местным традициям, укладу жизни, экономическому потенциалу [8]. Отличается от региона к региону и объем полномочий муниципалитетов (см. гл. 3 № 131-ФЗ) и степень зарегулированности их деятельности.

Указывая на региональные особенности формирования системы органов местного самоуправления, судья Конституционного Суда РФ в отставке, профессор Н. С. Бондарь в одной из своих публикаций, в частности, отмечает: «Статус местного самоуправления изначально, в соответствии с Конституцией РФ 1993 года (ч. 2 ст. 3, ст. 12), а не только на основе конституционных поправок 2020 года, определялся как важное звено единой системы российской государственности. Однако в силу самой природы сущностных характеристик местного самоуправления его успешное развитие возможно *только (и исключительно!) на основе последовательного учета исторических и иных местных традиций* (см. ч. 1 ст. 131 Конституции РФ) [9, с. 8].

Понятно, что разнообразие подходов к муниципальному правотворчеству в разных регионах значительно усложняет задачу антикоррупционной экспертизы местной нормативно-правовой базы. Кроме того, очевидна разница в объеме и характере сфер, нуждающихся в правовом обеспечении, в муниципальных образованиях. Так, система органов управления сельским поселением намного менее активна в правотворческом отношении нежели их коллеги в городском поселении — сказывается разная численность жителей и несопоставимый уровень развития инфраструктуры. Свою лепту привносит также многонациональность и конфессиональный плюрализм российского населения, разнящиеся от региона к региону, и соответствующая специфика правосознания.

Синергический эффект приведенных выше характеристик делает крайне неоднородным нормотворчество в различных муниципалитетах страны и, как следствие, индивидуализирует коррупциогенную ситуацию в них. Разумеется, это сказывается и на существенных отличиях предупредительно-профилактических мер в отношении борьбы с коррупцией, заставляя экспертов адаптировать,

«подстраивать» требования единой федеральной Методики проведения антикоррупционной экспертизы.

В качестве выхода из создавшейся ситуации некоторыми исследователями предлагается переход к практике применения на местах так называемых типовых правовых актов, разработанных федеральными государственными органами. По мнению сторонников этого подхода, только таким образом можно повысить качество нормативно-правового обеспечения, издаваемого на уровне муниципального образования. Однако не все разделяют подобную точку зрения. Оппоненты указывают на явное ущемление правотворческих полномочий местных органов власти в случае использования «модельного подхода» [10].

Однако в пестрой картине интенсивного муниципального правотворчества с региональными оттенками есть и нечто общее, непосредственно влияющее на качество издаваемых нормативных правовых актов, и, увы, негативного свойства. Во-первых, это невысокий уровень квалификации служащих, занимающихся подготовкой НПА на местном уровне (в подавляющем числе небольших муниципальных образований) и недостаточный штат таких специалистов. Во-вторых, применяемые в каждом муниципальном образовании, наработанные на протяжении многих лет, алгоритмы разработки/принятия муниципальных НПА и проведения их антикоррупционной экспертизы (характеризующиеся заметной инерционностью).

Иными словами, наличие коррупциогенного фактора не обязательно связано с умышленными действиями того или иного муниципального подразделения или должностного лица. Нередко коррупционные лазейки в административной документации оказываются следствием чисто технических ошибок или нарушения установленного регламента правотворческого процесса. То есть, нельзя исключать и тот факт, что в конкретной ситуации (при подготовке определенного документа) правотворческий орган мог по незнанию руководствоваться ошибочной нормативно-правовой конструкцией при определении прав и обязанностей сторон правоотношений. В этом случае указанная правовая норма по результатам экспертизы может быть видоизменена в целях обеспечения эффективности и результативности правового регулирования.

Таким образом, при антикоррупционной экспертизе муниципальных НПА в первую очередь в целях повышения объективности экспертных действий следует опираться на прогностический подход в оценке нормативных предписаний — точкой отсчета в этом случае служит «презумпция добросовестности» правотворческого органа. В подтверждение «доброкачественности» появления в текстах муниципальных нормативных правовых актов коррупциогенных факторов (что имеет место довольно часто) можно привести следующие доводы:

1. Существующая федеральная законодательная база, естественно, несовершенна. Встречаются в ней нечетко описанные схемы правоотношений и откровенные упущения. Однако на уровне поселения пробелы в регулировании отдельных вопросов могут приводить к весьма плачевным последствиям. В этом случае муниципальные органы власти оказываются вынужденными разрабатывать и издавать «недостающие» правовые акты, порой выходя за рамки своей компетенции [12, с. 6]. Очевидно, что в этом случае правотворческий орган руководствуется в целом благими намерениями.

2. Схожая причина — появление в нормативных актах, инициированных местными органами власти, фактора «широта дискреционных полномочий». Даже при отсутствии модели принятия решения, закрепленного законодательными актами высшего уровня, должностное лицо органа местного самоуправления не может абстрагироваться от насущных проблем обеспечения жизнедеятельности своего муниципального образования. Иногда для разрешения конкретной проблемы местные власти используют дискреционные полномочия, пределы которых не всегда укладываются в существующие правовые рамки.

3. Ещё одна причина может быть обозначена как «вложенная коррупциогенность». Эта ситуация имеет место, когда осуществляется независимый трансфер коррупциогенных факторов в муниципальную нормативно-правовую базу из федерального или регионального законодательства, определяющего границы полномочий местной власти [13].

Если же говорить о типовых коррупциогенных схемах, выявляемых в муниципальных НПА, то к ним, в зависимости от типа муниципального правового акта, можно отнести следующие:

- ◆ в отношении уставов муниципалитетов — «отсутствие или неполнота административных процедур», «принятие нормативного правового акта за пределами компетенции» и «широта дискреционных полномочий»;

- ◆ в отношении проектов уставов муниципальных образований — «принятие нормативного правового акта за пределами компетенции», «широта дискреционных полномочий» и «определение компетенции по формуле „вправе“»;

- ◆ в отношении муниципальных НПА о внесении изменений в уставы муниципальных образований — «широта дискреционных полномочий», «отсутствие или неполнота административных процедур» и «принятие нормативного правового акта за пределами компетенции»;

- ◆ в отношении проектов иных муниципальных правовых актов — «принятие нормативного правового акта за пределами компетенции», «отсутствие или неполнота административных процедур» и «широта дискреционных полномочий».

Здесь будет не лишним упомянуть о существенном недостатке применения единой Методики проведения антикоррупционной экспертизы. По сути, Методика не учитывает различия в типах нормативной документации, издаваемой на местном уровне. Иными словами, она не универсальна, и это заметно снижает эффективность антикоррупционной экспертизы, поскольку необходимость привязки (а по факту переработки) Методики служит дополнительным препятствием для антикоррупционной оценки нормативно-правовой базы [14].

В целом недостатки Методики представляют собой отражение нынешнего этапа формирования системы государственного антикоррупционного мониторинга правовой документации. Перечислим некоторые из них:

- отсутствие единого понятийного аппарата, а также детально проработанных блок-схем выявления коррупциогенных факторов в конкретных нормативных правовых актах в комплексе с критериями (индикаторами) коррупциогенности;

- чрезмерно упрощенное представление «типичных коррупциогенных факторов», которые сведены в закрытый список, что создает условия для психологической установки на выявление лишь тех коррупциогенных конструктов,

которые в большей степени соответствуют предложенным в Методике формальным характеристикам;

— отсутствие оценки уровня ущерба выявленного конкретного коррупционного положения или системы таких положений;

— отсутствие структуры, которая бы взяла на себя функции контроля достоверности и проверяемости антикоррупционной экспертизы.

Принимая во внимание качество методической базы антикоррупционной экспертизы, становится понятно, насколько важно, чтобы экспертный орган подходил к анализу того или иного правового акта максимально объективно, всесторонне оценивая возможные «узкие» места документа.

В ряду экспертных структур, в сферу компетенции которых входит антикоррупционная экспертиза муниципальных правовых актов, особое место занимают органы прокуратуры, Минюст, организации-разработчики правовой документации (или их отдельные должностные лица), а также независимые эксперты.

В частности, *органы прокуратуры Российской Федерации* проводят антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов различных государственных организаций, а также органов местного самоуправления и их должностных лиц по вопросам, связанным с обеспечением прав, свобод и обязанностей человека и гражданина; государственной и муниципальной собственности; государственной и муниципальной службы; бюджетного, налогового, таможенного, лесного, водного, земельного, градостроительного, природоохранного законодательства; законодательства о лицензировании, а также законодательства, регулирующего деятельность государственных корпораций, фондов и иных организаций, создаваемых Российской Федерацией на основании федеральных законов; социальных гарантий лицам, замещающим (замещавшим) государственные или муниципальные должности, должности государственной или муниципальной службы.

Большинство исследователей, к слову сказать, сходятся во мнении, что наиболее действенной является надзорная антикоррупционная экспертиза, осуществляемая именно аппаратом прокуратур. Правда, есть один нюанс — органы прокуратуры обязуют муниципальные власти направлять им для проведения экспертизы *проекты* нормативных правовых актов, что не вполне корректно с точки зрения закона. Но в данном случае цель (точнее — результат) оправдывает средства...

Министерство юстиции Российской Федерации (и его территориальные органы) применительно к органам местного самоуправления проводят антикоррупционную экспертизу уставов муниципальных образований и муниципальных правовых актов о внесении изменений в уставы муниципальных образований — при их государственной регистрации.

Сами *организации и должностные лица, которые занимаются разработкой нормативной документации на муниципальном уровне*, проводят антикоррупционную экспертизу принятых или принимаемых ими правовых актов (и их проектов) при проведении текущей правовой экспертизы и мониторинге их применения. При обнаружении коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах, устранить которые в рамках своей компетенции организации-разработчики НПА не могут, они, согласно требованиям законодательства, обязаны поставить в известность об этом факте органы прокуратуры.

Что касается аккредитованных *независимых экспертов*, то они наделены правом проводить антикоррупционную экспертизу любых муниципальных нормативных правовых актов (их проектов). Правда, для этого сами нормативные акты должны быть доступны — к примеру, они могут быть размещены на сайте муниципального образования (что пока не является повсеместной практикой).

Проанализировав существующее положение дел в сфере антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов, мы можем сделать вывод о том, что в настоящее время противодействие коррупции в контексте мониторинга правовых актов местной власти происходит во многом бессистемно. Разработка нормативной документации зачастую ведется в ускоренном режиме, исключая возможность тщательного правового аудита, который всё более походит на простую формальность. Остро ощущается нехватка юридических и экспертных кадров на местном уровне, очевидна слабая обеспеченность поисковыми информационно-справочными системами правового характера в небольших и удаленных муниципальных образованиях.

Рациональным предложением в этом смысле, по нашему мнению, является инициатива создания на уровне районов субъектов Федерации особых центров по контролю за состоянием нормативных правовых актов как самого района, так и входящих в его состав поселений [10].

Помочь изменить ситуацию в лучшую сторону может, на наш взгляд, также:

— повышение квалификации кадров местных органов власти, сопряженное с формированием у них дополнительных профессиональных компетенций в области антикоррупционного мониторинга, нормотворчества и пр. (посредством проведения, к примеру, актуального ныне дистанционного обучения [11]), организации спецкурсов или проведения тематических семинаров на базе образовательных учреждений);

— выстраивание более тесного взаимодействия между различными структурами, задействованными в антикоррупционной экспертной деятельности (государственными, муниципальными и общественными экспертными учреждениями);

— оптимизация муниципальной законодательной базы;

— более активное привлечение к антикоррупционной экспертной деятельности общественных структур и независимых экспертов, что должно быть сопряжено с выработкой пакета стимулирующих мер с одновременным упорядочением статуса независимых экспертных структур и ответственности за результаты проводимой экспертизы (за подготовку заведомо ложного экспертного заключения или злоупотребление правом при проведении экспертизы).

Одним словом, как в любой социально ориентированной регулятивной технологии, в отношении антикоррупционной экспертной деятельности многое решает человеческий фактор, поэтому — повторим — наиболее действенным способом повышения качества муниципального нормотворчества в части профилактики коррупционного начала является рост профессионализма тех, кто непосредственно занят правотворчеством и нормоконтролем этого процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Клюковская И. Н., Мелекаев Р. К. // Вестник Ставропольского государственного университета. — 2011. — № 5. — С. 189–196.
2. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: памятка. М.: Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2019.
3. Бахтина М. С. Административно-правовые основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020.
4. Методические рекомендации по проведению правовой и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (с иллюстрацией на конкретных примерах). М.: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2017. — 56 с.
5. Татишвили Т. М., Хидзев А. Т. Сравнение методик проведения экспертизы, установленной Правительством РФ, и принятых органами власти субъектов РФ // Право и современные государства. — 2013. — № 5. — С. 74.
6. Хабриева Т. Я. Формирование правовых основ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Журнал российского права. — 2009. — № 10. — С. 5–13.
7. Государственный реестр независимых экспертов, получивших аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/gosudarstvennyj-reestr-nezavisimyh> (дата обращения: 21.09.2021).
8. Артамонов А. Н., Авитисов А. С. Уровень обеспечения прав граждан и качество муниципального нормотворчества // Российская юстиция. — 2010. — № 11. — С. 11–13.
9. Бондарь Н. С., Георгиева Т. П. От практики муниципальной демократии — к научной школе муниципального конституционализма // Спутник высшей школы. Вып. «Современное право: проблемы и тенденции». — 2021. — № 1
10. Вантеева Н. В. Обеспечение качества актов муниципального правотворчества // Конституционное и муниципальное право. — 2012. — № 4. — С. 71–73.
11. Астанин В. В. Диалектика современного состояния муниципального правотворчества // Российская юстиция. — 2016. — № 3.
12. Астанин В. В. Антикоррупционная экспертиза в вопросах доктрины и практики // Российская юстиция. — 2016. — № 8.
13. Андреева Л. А. Роль регионального законодателя в формировании нормативной базы и организации нормотворческого процесса органов местного самоуправления // Социально-экономические и правовые проблемы развития региона: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Захряпина, Н. П. Макаркина и др. Саранск, 2010. С. 306–309.
14. Долотов Р. О. Правовое регулирование порядка проведения экспертизы нормативных правовых актов субъектов РФ // Актуальные проблемы экономики и права. — 2012. — № 4. — С. 48–51.

Frolov V. V.

Master's Degree Student, Kuban State University, Krasnodar, Russia

ANTI-CORRUPTION ASSESSMENT OF MUNICIPAL STATUTORY INSTRUMENTS
AND THEIR DRAFTS WITHIN THE LEGAL MONITORING SYSTEM:
ORGANIZATIONAL AND PROCEDURAL PROBLEMS

This article deals with the anti-corruption assessment of municipal statutory instruments, one of the most important mechanisms of corruption control in the area of local self-government, which is at the same time a specific measure of prevention of corrupt practices on the municipal government level. The author defines the organizational and procedural maintenance of this type of expert activities. Special attention is given to the analysis of correlation between the notions of legal review and anti-corruption assessment within the framework of the said subject area. The paper scrutinizes the peculiarities of application of a single technique of expert evidence of the drafts of statutory instruments and other documents with the aim of uncovering those points that might promote corruption conditions; highlighted are the problems faced by the legislator in regards to the development of a statutory framework for the assessment of municipal law-making for corruptogenicity; besides, defined are the lines of improvement of this type of examination activity at the present stage.

Key words: anti-corruption assessment; statutory instruments; corruption; corruptogenicity.

Яковлев-Чернышев В. А.,

студент, Сочинский филиал

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России)», г. Сочи, Россия

Научный руководитель: Парий-Сергеенко Е. П.,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,

Сочинский филиал ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный

университет юстиции (РПА Минюста России)»,

кандидат наук государственного управления, г. Сочи, Россия

О ПОНЯТИИ «СЕМЬЯ» И О ДИСКУССИОННЫХ ВОПРОСАХ СЕМЕЙНОГО ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В данной статье рассматриваются существующие подходы и предлагается авторская трактовка определения понятия «семья». Обосновывается тезис о том, что семейное право является самостоятельной отраслью права ввиду специфики предмета и метода правового регулирования. Предлагаются пути укрепления института брака на основе совершенствования семейного законодательства и мер социальной поддержки семей.

Ключевые слова: *семья; брак; семейное право; гражданское право; семейная политика.*

Испокон веков семья имеет важнейшее значение для государства и общества. Однако до сих пор остается дискуссионным один из базовых и важнейших вопросов: что такое семья? К сожалению, в Семейном кодексе Российской Федерации (далее — СК РФ) определение понятия семьи не дается. Если же обратиться к научной литературе, то к пониманию того, что же такое семья и брак, пытались прийти представители многих наук, в том числе философы и социологи.

Среди философов можно выделить взгляды Г. Гегеля, считавшего, что Семья — накопительница сил для Государства, собственное действие которого — Война — отрицает Семью, так как убивает ее членов [1, с. 125].

Значительный вклад в исследование понятие семьи внес Ф. Энгельс. В одном из своих основных трудов «Происхождение семьи, частной собственности и государства», анализируя исследования Г. Моргана, критические замечания К. Маркса, а также дополнения из других источников, он выделил три главные формы брака, в общем и целом, соответствующие трем главным стадиям развития человечества. Дикости соответствует *групповой* брак, варварству — *парный* брак, цивилизации — *моногамия*, дополняемая супружеской неверностью и проституци-

ей [2, с. 56]. Выводом Ф. Энгельса является то, что раз моногамная семья за период с начала цивилизации заметно улучшилась, особенно в Новейшее время, то можно, по меньшей мере, предполагать, что она способна к дальнейшему совершенствованию, пока не будет достигнуто равенство полов. Если же моногамная семья в отдаленном будущем окажется неспособной выполнять требования общества, то невозможно заранее предсказать, какова будет ее преемница [2, с. 64].

Если обратиться к русской философии, то можно, например, упомянуть взгляды В. Соловьева, которого беспокоили проблемы семьи и деторождения.

В. Соловьев видел у любви пять возможных путей (два ложных и три истинных), однако нас интересует один путь (который является третьим по счету в классификации философа и первым истинным), суть которого заключается в том, что в браке человек отвергает, как бы «бракует» свою непосредственную «животность» и принимает (берет) норму разума. Без института брака, по мнению Соловьева, человечество могло бы, конечно, существовать, но недостойным человека образом — образом звериным [3, с. 42–43].

В свою очередь, Н. Бердяев отмечает, что семья, по своей сущности, всегда была, есть и будет позитивистическим мирским институтом благоустройства, биологическим и социологическим упорядочением жизни рода [4, с. 201].

Среди социологов, изучавших семью, интересной представляется точка зрения Э. Дюркгейма, который в работе «О разделении общественного труда» отмечал, что семейное право потеряло первоначальную простоту, со временем становясь все более и более сложным, — различные виды юридических отношений, которые порождает семейная жизнь, теперь гораздо многочисленнее, чем прежде. Но, с одной стороны, вытекающие из этих отношений обязанности имеют главным образом положительную природу — это взаимность прав и обязанностей. С другой стороны, отношения в рамках семьи не договорные, по крайней мере, в своей типической форме. Также Дюркгеймом было подмечено, что брак и усыновление — источники семейных отношений, а это — договоры. Но, оказывается, что чем более они приближаются к высшим социальным типам, тем более именно эти два акта теряют свой собственно договорный характер [5, с. 214–215].

В Социологическом энциклопедическом словаре приводится следующее понятие семьи: «Семья — 1. Социальный институт, характеризующийся определенными социальными нормами, санкциями, образцами поведения, правами и обязанностями, регулирующими отношения между супругами, родителями семьи. Основные функции семьи: воспроизводство и социализация. 2. Малая группа, основанная на браке или кровном родстве, члены которой связаны общностью быта, взаимной ответственности и взаимопомощью» [6, с. 314]. Можно также отметить, что в данном словаре выделяется 24 типа семьи (семья автономная, атомизированная, биологическая, брачная, гражданская, контрактная, эгалитарная и др.) [6, с. 315–316].

Проанализировав различные взгляды на семью и брак, хотелось бы обратиться и к правовым источникам. После конституционных поправок в ч. 1 ст. 72 Конституции РФ был добавлен п. «ж. 1», в котором, в частности, провозглашается защита института брака как союза мужчины и женщины [7]. В ст. 12 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод говорится, что «Мужчины

и женщины, достигшие брачного возраста, имеют право вступать в брак и создавать семью в соответствии с национальным законодательством, регулирующим осуществление этого права» [8].

Однако ни в Конституции, ни в Европейской Конвенции, ни в СК РФ мы не найдем определения, что же такое семья.

На основе всех вышеизложенных позиций мы можем сказать, что семья — это группа лиц, связанных личными и имущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака или родства. Такое определение, на наш взгляд, хоть и не приостановит дискуссии по поводу того, что же такое семья, но, во всяком случае, соответствует семейному законодательству РФ.

Помимо того, что до сих пор нет легального определения семьи, ведутся довольно серьезные дискуссии по поводу того, как должны регулироваться семейные отношения. Безусловно, в контексте семейного права мы должны учитывать специфику общественных отношений, складывающихся по поводу семьи. Можно сразу отметить, что единого подхода к пониманию того, является ли семейное право самостоятельной отраслью права или оно выступает подотраслью гражданского права, на данный момент нет.

Так, например, О. С. Иоффе считал, что семейное право неотделимо от гражданского [9, с. 184]. Схожей точки зрения придерживается и М. В. Антокольская [10]. Однако далеко не все исследователи согласны с данной позицией [11, 12 и др.].

На наш взгляд, семейное право является самостоятельной отраслью права ввиду специфики предмета и метода правового регулирования.

Что касается предмета, то это обусловлено несколькими причинами:

1. Регулируются довольно «специфичные» общественные отношения, ввиду чего в рамках объемного по своим правовым массивам гражданского права довольно сложно вносить точечные изменения. Выделяя семейное право, как самостоятельную отрасль, мы получаем возможность досконально уяснить все возможные проблемы в семейном законодательстве и найти пути их решения.

2. Происходит тесное пересечение с моральными нормами. Например, религиозные нормы играют немаловажную роль как при создании семьи, так и в ее жизнедеятельности. То есть нравственные нормы оказывают значительное влияние на данную отрасль права [13].

3. Семья, по сути, является субъектом права. Хотя напрямую это и не указывается, но такой вывод можно без труда сделать, проанализировав нормативные правовые акты — например Конституцию РФ, Европейскую Конвенцию о правах и об основных свободах. Следовательно, переосмысление семьи как субъекта права может, да в принципе, наверное, и должно, привести к тому, что семья будет оцениваться наравне с гражданином в субъектном составе. Носить несколько, образно выражаясь, для данного понятия, «персоналистический» характер, то есть, располагаться в триаде «личность — общество — государство» на первом месте наравне с личностью.

Если же говорить о методе семейного права, то среди ученых нет единого мнения о его сущности. На наш взгляд, обоснованным является подход В. Ф. Яковлева, который указывал, что «метод семейного права по содержанию воздействия на отношения является дозволительным, а по форме предписаний —

императивным. Сочетание этих двух начал и выражает его своеобразие. Вследствие этого семейно-правовой метод может быть обозначен как «дозволительно-императивный» [14, с. 13].

Если же обратиться к гражданскому праву, то важнейшей отличительной чертой его метода является дозволительная направленность правового регулирования [15, с. 16].

Остается нерешенным и ряд вопросов, связанных с семейным законодательством. Несмотря на провозглашенные задачи, не все они выполняются в достаточной мере, хотя, безусловно, за последнее время было направлено немало усилий на поддержку и развитие семей. Так, уже в нынешнем СК РФ были введены новые правовые институты, которых в Кодексе о браке и семье РСФСР 1969 года не было, а именно — брачный договор, правовой режим имущества супругов и ряд других.

Также, если рассмотреть «Концепцию государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» (далее — Концепция) [16], то мы увидим, что в ней предусмотрен широкий спектр задач: развитие системы государственной поддержки семей, мониторинг доходов и уровня жизни семей, совершенствование гарантированных государством мер социальной поддержки семей, имеющих детей, в том числе замещающих семей и т. д. В связи с этим, нужно согласиться с Б. Булаевским по поводу необходимости разработки нормативных документов для более эффективного реформирования семейного законодательства [17, с. 42], так как на сегодняшний день явно недостает нормативных правовых актов, которые дали бы возможность определить, как действовать в тех или иных ситуациях, конкретизируя Концепцию.

Решение данных проблем нам представляется следующим образом:

1. Ввести понятие семьи в СК РФ, чтобы избежать неопределенностей в самой базовой терминологии.

2. Усовершенствовать нормативную правовую базу семейного законодательства, то есть создать новые нормативные правовые акты, которые бы регламентировали и «подсказывали», каким образом ставящиеся в Концепции задачи должны выполняться.

3. Ввести меры, направленные на укрепление института брака и повышение дохода семей. Одним из таких подходов возможна выплата пособия по безработице в удвоенном размере одному из неработающих супругов, если в гражданском браке они проживают три и более лет (сейчас минимальное пособие по безработице составляет 1500 руб., максимальное — 12 130 руб., но только первые три месяца после постановки на учет в центре занятости, а следующие три месяца — максимум 5000 руб., может быть больше с учетом районного коэффициента) [18], то есть 24 260 руб. в течение шести месяцев в году для неработающего в семье. Условием для выплаты такого пособия (во избежание фиктивных браков, например, с целью получения данного пособия) является наличие двух и более детей.

Конечно, это противоречит одному из ожидаемых результатов Концепции, которая направлена, в том числе, на сокращение числа неработающих родителей, рост доли трудоустроенных граждан с семейными обязанностями в общей массе трудоустроенных граждан, но данная идея повышает возможность достижения положительной динамики демографических показателей.

4. Если взглянуть на данные Росстата, то за январь-июль 2021 года число браков выросло на 34% (493,5 тыс. против почти 368,4 тыс. за аналогичный период прошлого года), количество разводов выросло на 32,9% (370,5 тыс. против 278,8 тыс. разводов) [19]. Статистика разводов выглядит несколько удручающе, в связи с чем предлагается ввести стимулирующие меры, например, супругам, прожившим в браке 10 лет, — единовременная выплата в размере 100 тыс. руб. и возможность улучшения жилищных условий (при наличии двух детей и более), прожившим 15 лет — также возможность улучшения жилищных условий и более высокая единовременная выплата (при наличии двух детей и более). То есть мотивировать на сохранение брака и вместе с тем стараться повысить рождаемость.

В заключение хотелось бы отметить, что семья имеет принципиальное значение для человека, общества и государства, которые без данного института не смогли бы никогда полноценно функционировать и развиваться. В целом, несмотря на отмеченные выше проблемы, государственная политика РФ в настоящее время направлена на поддержание традиционных ценностей и обеспечение возможности достойно проживать семьям. Это, несомненно, позволяет надеяться на изменение ситуации в лучшую сторону, причем не только в сфере семейного законодательства, но и в плане существования семей в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе / Подборка и публикация Реймона Кено; пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2003.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения под редакцией В. Адоратского. — Т. XVI. — Ч. 1. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1937.
3. Соловьев Вл. Сочинения в 2 т. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гудыги; прим. С. Л. Кравца и др. — Т. 1. М.: Мысль, 1990.
4. Бердяев Н. А. Смысл творчества (опыт оправдания человека). М., 1916.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана, прим. В. В. Сапова. М.: Канон, 1996.
6. Социологический энциклопедический словарь (на русском, английском, немецком, французском и чешском языках) / ред.-координатор — академик РАН Г. В. Осипов. М.: ИГ «ИНФРА-М-НОРМА», 1998.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (Вместе с протоколом [№ 1])» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию в первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбург 16.09.1963), «Протоколом № 7» (подписан в г. Страсбург 22.11.1984) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Иоффе О. С. Советское гражданское право. — Ч. 3. Л., 1965.
10. Антокольская М. В. Семейное право. М.: Юристъ, 1999.

11. Рузанова В. Д. Гражданское право и семейное право как самостоятельные и взаимосвязанные отрасли // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. — 2013. — № 4 (21). — С. 76–82.
12. Цепкова Т. М. О некоторых делах, возникающих из семейных правоотношений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2017. — № 4 (117). — С. 76–79.
13. Дорская А. А. Семейные ценности как предмет научной дискуссии: основные направления изучения семейного права в России на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2019. — № 3. — С. 27–41.
14. Пчелинцева Л. М. Семейное право России: Учебник для вузов / 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004.
15. Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. — Т. 1. М.: Проспект, 2020.
16. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года»//СПС «КонсультантПлюс».
17. Булаевский Б. А. Концепция совершенствования семейного законодательства как необходимость. Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 5 (78) — май.
18. Снижение выплат и отказ в регистрации: что изменилось для безработных в 2021 году // URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/bez-raboty-v-2021-godu> (дата обращения: 05.09.2021).
19. В России выросло число браков и разводов. URL: <https://ria.ru/20210827/rosstat-1747602251.html> (дата обращения: 05.09.2021).

Yakovlev-Chernyshev V. A.,

*student, Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Academic Supervisor: Pariy-Sergeenko Ye. P.,

*Associate Professor of the Department of Criminal and Legal Disciplines,
Sochi branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Cand. Sc. Government Control, Sochi, Russia*

ON THE NOTION OF A FAMILY AND THE DEBATING POINTS OF FAMILY LAW AND LEGISLATION

This article examines the existing approaches and proposes the author's interpretation of the definition of the concept of «family». The thesis is substantiated that family law is an independent branch of law, in view of the specifics of the subject and method of legal regulation. The ways of strengthening the institution of marriage on the basis of improving family legislation and measures of social support for families are proposed.

Key words: family; marriage; family law; civil law; family policy.

УДК 343.135

Степаненко А. Г.,

*студент 2 курса заочного отделения магистратуры,
Сочинский филиал ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Сочи, Россия*

© 2021

Научный руководитель: Пильников С. Г.,

*заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Сочинский филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
кандидат юридических наук, доцент, г. Сочи, Россия*

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье автор рассматривает нормы уголовного законодательства некоторых зарубежных государств, регулирующие институт освобождения от уголовной ответственности. Автором отмечаются особенности данного института, проводится сравнительный анализ некоторых положений названного института в уголовных законах отдельных стран мира, выделяются наиболее специфические условия освобождения от уголовной ответственности с точки зрения существующей регламентации оснований освобождения от уголовной ответственности российским законодателем.

Ключевые слова: *уголовная ответственность; освобождение от уголовной ответственности; виды освобождения от уголовной ответственности; институт освобождения от уголовной ответственности.*

Активное развитие экономических отношений, возникновение новых социальных институтов, и, как следствие, появление новых объектов уголовно-правовой охраны, накладывают отпечаток на развитие уголовного права, как в России, так и за рубежом. Современная уголовная политика направлена на урегулирование уголовно-правового конфликта мирным путем с максимальным возмещением вреда, причиненного преступлением, что, несомненно, побуждает законодателя, в том числе и российского, оценивать институт освобождения от уголовной ответственности как наиболее эффективный инструмент для достижения этой цели.

Одним из ключевых направлений при реализации уголовной политики в большинстве мировых государств является существование и развитие института освобождения от уголовной ответственности, который находит отражение в уголовном законодательстве многих стран мира. Несмотря на то, что основания освобождения от уголовной ответственности в различных уголовно-правовых системах сформулированы по-разному, общий их смысл сводится к прекращению уголовного преследования.

Так, согласно действующему уголовному законодательству Китайской Народной Республики (далее — КНР), основаниями освобождения от уголовной ответственности являются явка с повинной, заслуги, а также истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

Следует отметить, что разъяснения относительно вышеупомянутых оснований содержатся в параграфах 3 и 8 главы 4 Уголовного кодекса (далее — УК) КНР «Применение наказания». Параграф 3 объединяет в себе две главы и имеет название: «Явка с повинной», а параграф 8, содержащий статьи 87–89, в свою очередь, дает разъяснения относительно сроков давности привлечения к уголовной ответственности [6].

Изучая срок давности привлечения к уголовной ответственности как одно из оснований освобождения от таковой, можно сделать следующий вывод: несмотря на то, что максимальный срок давности согласно ст. 87 УК КНР составляет 20 лет и применяется в отношении преступлений, за которые действующим законодательством предусмотрена смертная казнь либо пожизненное лишение свободы, санкцией Верховной народной прокуратуры данный срок может быть увеличен, и уголовное преследование может быть продолжено и по истечении 20 лет. Также важно отметить, что, если лицо, совершившее преступление, скрылось от суда и следствия, срок давности приостанавливается. Если виновный в момент преследования совершает еще одно преступление, то отсчет срока давности начинается с момента совершения им нового преступления [6].

УК КНР также предусматривает, что отсчет срока давности начинается незамедлительно с момента совершения преступного деяния [6]. Этот аспект в УК КНР является аналогичным соответствующему положению в УК Российской Федерации [1].

В сравнении с УК КНР Уголовный кодекс Голландии предусматривает более широкий перечень оснований освобождения от уголовной ответственности. Данному институту, наряду с институтом усиления уголовной ответственности, посвящен целый раздел книги I УК Голландии, который включает в себя шесть статей.

По голландскому законодательству освобождение от уголовной ответственности возможно в следующих случаях:

1) если уголовному преследованию подвергаются лица, отстающие в умственном развитии или страдающие душевной болезнью. По мнению законодателя, такие лица не могут нести ответственность за совершенные ими преступные деяния (ст. 39 УК Голландии);

2) если преступление (правонарушение) было совершено под влиянием силы, которой виновный не смог противостоять (ст. 40 УК Голландии);

3) если лицо, совершившее преступление (правонарушение), нарушило закон вследствие самозащиты или защиты другого лица, своей личной неприкосновенности, неприкосновенности своей собственности, а также неприкосновенности другого лица или его собственности (ч. 1 ст. 41 УК Голландии);

4) если уголовному преследованию подвергается лицо, превысившее пределы необходимой обороны, но только в том случае, если превышение самообороны было вызвано нападением и явилось непосредственным результатом сильного эмоционального возбуждения (ч. 2 ст. 41 УК Голландии);

5) если уголовному преследованию подвергается лицо, совершившее преступление (правонарушение), выполняло законные требования (с. 42 УК Голландии);

6) если уголовному преследованию подвергается лицо, совершившее преступление (правонарушение) вследствие отданного ему компетентным органом официального приказа (ч. 1 ст. 44 УК Голландии). Если же виновный не предполагал законности незаконного официального приказа, то в этом случае он не может быть освобожден от уголовной ответственности [5].

Обращает на себя внимание тот факт, что из шести приведенных условий освобождения от уголовной ответственности — а считать названные обстоятельства чем-то иным, кроме как условиями, поскольку речь в них идет о характеристике лица, совершившего преступление, нам представляется невозможным — преобладающая их часть отражает положения российского уголовного законодательства в части закрепления обстоятельств, исключающих преступность деяния.

В то же время нельзя не отметить, что одно из повсеместных оснований освобождения от уголовной ответственности, которым, безусловно, в системе материального права остается истечение сроков давности, по уголовному законодательству Голландии включено в раздел, объединяющий нормы, устанавливающие основания для «прекращения действия права на уголовное преследование» (раздел VIII УК Голландии) [5]. Однако при этом следует особо выделить такую специфику законодательства Голландии, которая проявляется в оказании огромного влияния на уголовное право норм уголовно-процессуального права. Так, в указанном разделе VIII УК Голландии истечение сроков давности (ст. 70) «соседствует» с таким основанием, прекращающим действие права, как «смерть обвиняемого» (ст. 69) [5].

В законодательстве некоторых стран, например Франции, институт освобождения от уголовной ответственности сформулирован как «институт ненаступления уголовной ответственности», что никоим образом не сказывается на его содержании и сущности [8].

Еще одним распространенным основанием освобождения от уголовной ответственности во многих демократических странах является деятельное раскаяние. Данное правовое положение отражено в законодательствах практических всех стран СНГ, за исключением Киргизии, а также КНР, Японии, Польши, Бразилии и некоторых других. При этом в законодательствах таких государств, как Франция, Германия, Испания, Австрия, Италия, деятельное раскаяние встречается лишь применительно к отдельным составам преступлений.

Наиболее близким по смыслу к деятельному раскаянию в международном уголовном праве является добровольный отказ от преступления. Следует отметить, что в ряде стран, среди которых Германия, Швейцария и Италия, добровольный отказ от преступления фактически воспринимается как деятельное раскаяние.

Примирение с потерпевшим также является одним из достаточно распространенных видов освобождения от уголовной ответственности и встречается в уголовном праве многих стран, включая Российскую Федерацию. Следует отметить, что положения института примирения с потерпевшим зачастую находят отражение и в уголовно-процессуальном законодательстве.

Как уже упоминалось, примирение с потерпевшим является весьма распространенным видом освобождения от уголовной ответственности, о чем свидетельствует тот факт, что Комитетом министров Совета Европы в 1999 году был принят отдельный нормативный правовой акт, который регулирует взаимное согласование и введение в систему данного института, а именно «Посредничество в уголовных делах».

Законы некоторых стран, например Казахстана, предусматривают, что примирение с потерпевшим может являться основанием для освобождения от уголовной ответственности только в том случае, если тяжесть совершенного преступления является небольшой [2].

В Польше, в свою очередь, институт примирения с потерпевшим представляет собой лишь обстоятельство, смягчающее наказание [2].

В некоторых странах, среди которых Аргентина, Мексика, Испания и другие, вышеописанный институт носит название «прощение виновного» и может применяться даже после вынесения судом приговора [4]. Также институт прощения виновного имеет место в странах мусульманской правовой семьи.

Помимо прочего, уголовные законодательства большинства стран предусматривают специальные основания освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних [5].

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод о том, что институт освобождения от уголовной ответственности в зарубежных странах является устоявшимся и сложившимся институтом, который применяется в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве многих стран, причем в большинстве своем — в странах романо-германской правовой семьи. Ограничено применение рассматриваемого института в странах англо-саксонской и мусульманской правовых семей. Самыми распространенными видами оснований освобождения являются деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим и истечение сроков давности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 11.08.2020).
2. Абубекерова Д. А. Освобождение от уголовной ответственности в уголовных законодательствах зарубежных стран // Наука. Общество. Государство. — 2020. — Т. 5. — № 2 (18).

3. Набиев Х. С. Освобождение от уголовной ответственности в некоторых зарубежных странах // Вестник Таджикского национального университета. — 2019. — № 3–5 (173). — С. 116–120.
4. Оловенцова С. Ю. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних по уголовному законодательству зарубежных стран // Международный пенитенциарный журнал. — 2021. — № 2. — С. 35–38.
5. Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. В. Б. Волженкин; пер. с англ. И. В. Мировой. СПб., 2020. — 510 с.
6. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. А. И. Коробеева; пер. с китайского Д. В. Вичикова. СПб, 2018. — 303 с.
7. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л. В. Головкин, Н. Е. Крылова; пер. с фр. и предисл. Н. Е. Крыловой. СПб., 2021. — 650 с.

Stepanenko A. G.,

*2nd-year Master's student of the master's program,
Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Sochi, Russia*

Academic Supervisor: Pilnikov S. G., Associate Professor,

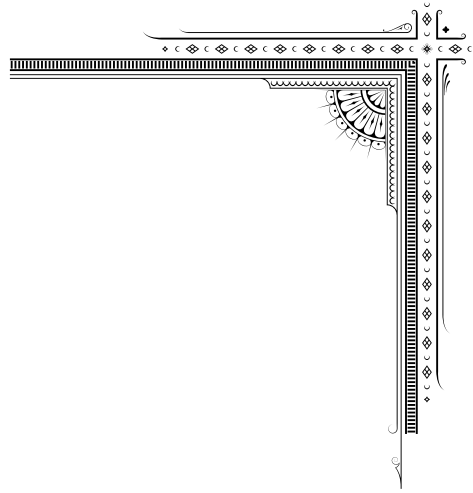
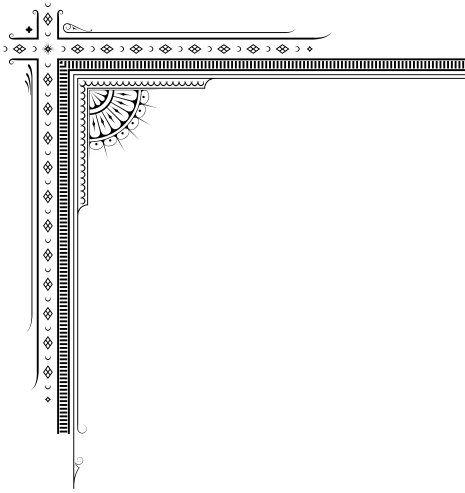
*Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Cand. Sc. Law, Sochi, Russia*

TOWARDS THE PROBLEM OF PECULIARITIES IN THE CRIMINAL REGULATION EXERCISED BY FOREIGN LEGAL SYSTEMS OF THE INSTITUTION OF LIBERATION FROM CRIMINAL RESPONSIBILITY

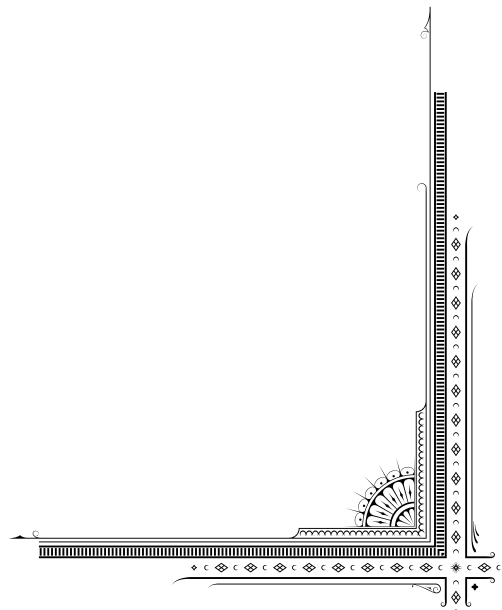
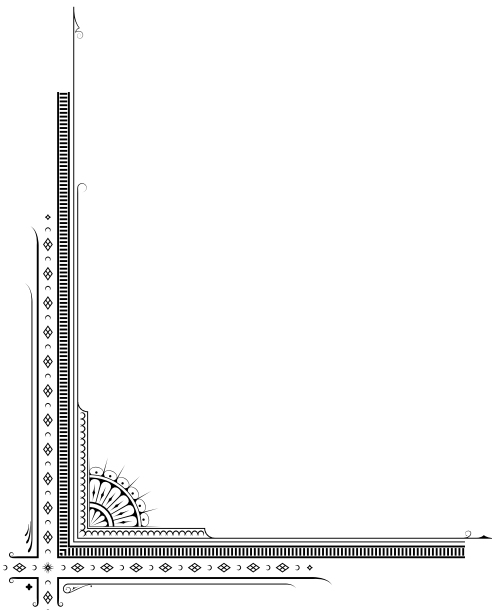
In the article, the author examines the norms of the criminal legislation of some foreign countries regulating the institution of exemption from criminal liability. The author notes the peculiarities of this institution, conducts a comparative analysis of certain provisions of this institution in the criminal laws of certain countries of the world, highlights the most specific conditions for exemption from criminal liability from the point of view of the existing regulation of the grounds for exemption from criminal liability by the Russian legislator.

Key words: criminal liability; exemption from criminal liability; types of exemption from criminal liability; institute of exemption from criminal liability.

Секция
**«ПОЛИТОЛОГИЯ,
ИСТОРИЯ, РЕГИОНОВЕДЕНИЕ»**

КРЫМСКИЙ ПОЛУОСТРОВ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ¹

В данной публикации рассматривается специфика влияния турецкого фактора на этнополитический процесс в Крыму. Выделяются основные ресурсы воздействия Турецкой Республики на этнополитический процесс на Крымском полуострове. Рассматривается влияние ряда гуманитарных организаций на данный процесс. Отмечается, что актуализация крымско-татарского вопроса для турецкой внешней политики происходит после распада Советского Союза. Делается вывод о том, что, несмотря на активные попытки усилить свое геополитическое влияние в регионе, политика Турции в отношении Крыма даже после событий 2014 года продолжает оставаться достаточно умеренной: Турция не признает результаты референдума 2014 года, выступая в защиту территориальной целостности Украины, но при этом не поддерживает введенные ЕС и США санкции против Российской Федерации.

Ключевые слова: Россия; Крымский полуостров; Турецкая Республика; внешняя политика, этнополитический процесс, крымские татары, диаспора.

Цель данной работы заключается в определении характера влияния турецкого фактора на этнополитический процесс в Республике Крым. Дается анализ внешней политики Турецкой Республики в отношении Крымского полуострова в разные исторические отрезки; проводится сравнение специфики проводимой властями Турции политики в этом регионе до и после 1991 года и выделяются ее принципиальные отличия.

Исторические предпосылки формирования интересов Турецкой Республики в Крыму

Турецкий фактор влияния на этнополитический процесс на Крымском полуострове обусловлен одновременно как историко-культурными связями населения Турции и крымских татар, так и многочисленной крымско-татарской диаспорой

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190184-2.

в самой Турции и геополитическим положением полуострова в целом, которое, с одной стороны, позволяет контролировать ситуацию в Азово-Керченской акватории, а с другой — предоставляет выход к проливам Босфор и Дарданеллы.

Информация о точной численности крымских татар, проживающих на территории Турецкой Республики, довольно сильно разнится. В Турции существуют анклавные территории, на которых компактно проживают как крымские татары, так и многие культурно близкие им этнические группы. Обязательно нужно принимать во внимание и тот важный аспект, что официальная национальная политика Турецкой Республики направлена на аккультурацию и ассимиляцию нетурецкого населения, а информация об этническом составе страны не публикуется в открытых источниках, в частности таких, как перепись населения [1, с. 27].

Ученый А. Г. Шевчук отмечает, что Турецкая Республика рассматривает крымско-татарский этнос как свою диаспору и вследствие этого занимается лоббированием интересов крымских татар, учитывая данный аспект при выстраивании собственной геополитической стратегии в Причерноморском регионе [5, с. 281].

Исторически к одним из наиболее ключевых идейных ресурсов влияния Турции на этнополитический процесс в Крыму относится идеология пантюркизма, основанная на цели достижения культурной, этнической, политической и экономической интеграции тюркских народов, центральная роль в которой отводится Турецкой Республике как самому сильному геополитическому и социально-экономическому игроку из всех государств с доминирующей тюркской составляющей.

Как уже отмечалось ранее, существенным ресурсом воздействия Турции на этнополитический процесс в Крыму выступает турецкая крымско-татарская диаспора. В различные исторические отрезки в турецкой политической элите было немало представителей, имеющих крымско-татарское происхождение [1, с. 28]. Известный ученый У. Шафран в своей работе обращал внимание на то, что к фундаментальным особенностям диаспоры относится наличие у представителей этнической общины своего этнического самосознания, а также достаточно четко сформированного образа исторической родины. Одновременно с этим, как отмечает исследователь, приверженность исторической родине способна откладываться в национальном самосознании диаспоры на уровне исторической памяти, на различных этапах являющейся основой для пропаганды идей репатриации. Как пишет У. Шафран, «представители диаспоры имеют проблематичные взаимоотношения с окружающей этнокультурной средой, в которой они проживают, воспринимая ее как угрозу ассимиляции» [8].

Современные каналы влияния Турции в Крыму

Каналами влияния Турецкой Республики на крымско-татарский этнос также являются различные гуманитарные организации. К таковым относятся Агентство по международному развитию и сотрудничеству при Совете министров Турции (Türkiye İşbirliği ve Kalkınma İdaresi; сокр. — TİKA) и Союз культуры и взаимопомощи крымских тюрков. Деятельность Союза культуры и взаимопомощи крым-

ских тюрок направлена на различную помощь соотечественникам в Республике Крым, в особенности на поддержку культуры и этнической идентичности крымских татар.

Что касается Агентства по международному развитию и сотрудничеству при Совете министров Турции, то его деятельность ориентирована на выработку механизма взаимодействия между высшими учебными заведениями, государственными учреждениями и неправительственными организациями [4]. Помимо Крымского полуострова данная организация имеет влияние и осуществляет свою деятельность также на территориях ряда государств Балканского полуострова, Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии, Южного Кавказа, а также Северной Африки [2, с. 94].

Немаловажное значение для воплощения внешней политики Турецкой Республики имеет политика «мягкой силы», основу которой составляют несколько основных принципов. В сфере культуры и просвещения подобная политика ориентирована на создание специальных школ, в которых преподаются турецкий язык, история и культура, а также на открытие в высших учебных заведениях кафедр преподавания турецкого языка. В Республике Крым до 2014 года под эгидой Агентства по международному развитию и сотрудничеству при Совете министров Турции функционировали проекты (например, проект «1000 домов» для крымско-татарского населения), финансирование которых доходило до \$25 млн. [3, с. 147]. Также распространенной практикой являлось заключение соглашений между высшими учебными заведениями Турецкой Республики и Крыма с целью организации совместных проектов в области науки и инноваций.

Осуществлялось сотрудничество и в области развития предпринимательства, а также улучшения инвестиционного климата, которое заключалось в создании советов различных уровней, упрощающих деятельность бизнес-структур [3, с. 147].

К одним из главных контрагентов турецко-крымско-татарского взаимодействия на территории Крымского полуострова относится также запрещенная в России организация «Меджлис крымско-татарского народа», уже много лет выступающая посредником в процессе продвижения турецкого капитала на полуостров. Как указывает ученый О. В. Рябцев, данная структура «по вполне понятным причинам имеет «карт-бланш» в процессе распределения инвестиционных средств. Более того, по оценкам некоторых крымских экспертов, для лидеров «Меджлиса» турецкий капитал стал едва ли не основным источником личного обогащения. Одновременно с активизацией работы Агентства на крымской «площадке» под эгидой «Меджлиса» был создан фонд «Крым», председателем которого стал М. Джемилев. Фонд выступает в роли основного партнера ТІКА не только в Крыму, но и целом на Украине» [2, с. 96]. В Республике Крым в настоящее время турецкий капитал максимально широко представлен в муниципальных образованиях с высокой долей крымско-татарского этноса в структуре населения: в Белогорском, Бахчисарайском, Нижнегорском и Симферопольском районах [2, с. 97]. Также можно говорить о наличии отлаженной модели сотрудничества «Меджлиса крымско-татарского народа» с бизнес-сообществом и официальными предста-

вителями Турецкой Республики, о чем свидетельствует систематическое участие руководства «Меджлиса» в регулярных поездках в Турцию в рамках украинских делегаций и участие в ряде переговорных процессов на территории Украины.

Трансформация политики Турции в Крыму

В годы холодной войны крымско-татарский вопрос особо не входил во внешнеполитическую повестку Турции. Ситуация изменилась после распада Советского Союза, когда крымские татары, наряду с другими тюркскими этническими группами Советского Союза, заняли немаловажное место в рамках повестки дня турецкой внешней политики.

Сразу после распада Советского Союза ряд турецких политиков и дипломатов неоднократно посещали Крым и способствовали возвращению и переселению крымских татар различными способами, а также надеялись заручиться их поддержкой, которая могла бы стать оплотом Турции в Черноморском регионе [6, с. 380]. Президент Турции Сулейман Демирель (1993–2000 гг.) отзывался о крымских татарах как о «турецких братьях», обещая оказывать им всевозможную помощь и поддержку: «Мы заинтересованы в судьбе крымских татар. Их множество в нашей стране, а также в России и Украине. Наш интерес к татарам не носит политического характера. Мы хотим, чтобы у них была безопасность и уважение в своей собственной стране, так как они наши братья» [9]. Фактически, Крым вошел в дискурс турецких политиков с начала 1990-х годов, но долгие годы данный интерес не носил политического характера.

В первые месяцы после событий 2014 года Турция, в отличие от других держав, воздерживалась от открытой критики действий России. Единственной на тот момент прямой официальной реакцией являлось заявление премьер-министра Эрдогана, в котором он подчеркнул, что «Турция не оставит крымских татар одних» [6, с. 381]. Это было неудивительно, поскольку во время кризиса аспект культурной близости народов был важной составляющей турецкой внешней политики. Кроме того, следует учитывать и то, что влияние Крыма на Турцию — это нечто большее, чем просто политический аспект. В Крыму проживает порядка 300 тыс. автохтонных татар тюркского происхождения, которые в свое время поддержали протесты против украинского президента В. Ф. Януковича и выступили против выхода региона из состава Украины и вхождения в состав России. Прозападная позиция крымских татар поставила их на путь конфронтации с русским населением полуострова.

Немаловажную роль играет также тот факт, что в Турции проживает довольно значительный сегмент крымско-татарского населения, что может стать одним из определяющих внутренних политических факторов. Крымские татары в Турции являются одними из наиболее политически организованных групп меньшинств с десятками общественных организаций, имеющих достаточно положительный имидж внутри страны. Во многом именно поэтому после событий 2014 года тогдашний министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу немедленно посетил Киев, заявив, что Турция будет стремиться защитить права крымских татар, при этом акцентируя внимание на важности сохранения терри-

ториальной целостности Украины: «... для нас имеет большое значение, чтобы крымские татары жили в мире вместе с другими этническими группами в Крыму как равноправные граждане и в рамках единства Украины. [...] Турция готова оказать всяческую поддержку для светлого будущего как Украины, так и Крыма» [6, с. 381].

Однако официальная позиция Турции, выходящая за рамки ее риторики, оставалась достаточно умеренной по сравнению с позицией других региональных субъектов. В то время как соседи Украины сформировали две различные группы в отношении своей позиции по отношению к России, Турция не встала на четкую и неоспоримую сторону Украины, как это сделали ее традиционные проевропейски и атлантически ориентированные соседи [6, с. 382]. Турция, с одной стороны, не признала результаты референдума в Крыму по воссоединению с Российской Федерацией от 16 марта 2014 года, и неоднократно заявляла о своей приверженности принципам территориальной целостности Украины, но, с другой стороны, она отказалась вводить санкции против России, как это сделали ЕС и США. В то время как Турция одобрила Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 68/262 от 27 марта 2014 года, подтверждающую территориальную целостность Украины, она в некотором смысле нарушила резолюцию, используя в тот период транспортные линии для передвижения по Крыму. Кроме того, турецкая сторона с энтузиазмом восприняла возможность увеличения экспорта в Россию в результате решения Москвы ввести эмбарго на поставки продовольственных товаров из западных стран [7, с. 382]. Это подтверждают слова тогдашнего министра экономики Турции Нихата Зейбекчи, который охарактеризовал Россию в качестве «дополнительной возможности для Турции»: «Мы должны сделать эту возможность сильной, долгосрочной, постоянной и корпоративной» [6, с. 382].

В марте 2015 года, на пресс-конференции с бывшим председателем Национального собрания крымско-татарского народа Мустафой Кырымоглу, тогдашний премьер-министр Турецкой Республики Ахмет Давутоглу заявил, что у Турции единая позиция по Крыму с ЕС и НАТО; при этом, он еще раз упомянул, что Турция также «оставляет открытые двери для дипломатического процесса с Россией по крымскому вопросу из-за ее геополитического положения» [6, с. 382].

Выводы

Обобщая вышеизложенное, отметим, что исторически одним из ключевых факторов формирования геополитических интересов Турции в Крыму является фактор крымско-татарской диаспоры в стране, что, в свою очередь, способствует дополнительному стимулированию политики лоббирования интересов крымских татар со стороны турецкого правительства.

Проведенный анализ показал, что до распада СССР Крым особо не входил во внешнеполитическую повестку Турции. Ситуация изменилась после распада Советского Союза, когда крымские татары, наряду с другими тюркскими этническими группами Советского Союза, заняли немаловажное место в рамках повестки дня турецкой внешней политики. Еще одной причиной стало постепенное возвращение к принципам пантюркизма во внешней политике Турции в XXI веке.

К каналам влияния Турции на этнополитический процесс в Крыму относятся различные общественные и гуманитарные организации. В частности, к таковым относятся Агентство по международному развитию и сотрудничеству при Совете министров Турции (Türkiye İşbirliği ve Kalkınma İdaresi; сокр. — TİKA), «Союз культуры и взаимопомощи крымских тюрков», а также запрещенный в России «Меджлис крымско-татарского народа».

Еще один вывод заключается в том, что после событий 2014 года политика Турции в отношении Крыма продолжает оставаться достаточно умеренной: Турция не признает результаты референдума 2014 года, выступая в защиту территориальной целостности Украины, однако при этом не поддерживает введенные ЕС и США санкции против Российской Федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахмадеев, К. Н. Турецкий фактор в крымскотатарском этнополитическом процессе / К. Н. Ахмадеев // Общество: политика, экономика, право. — 2018. — № 3. — С. 27–30.
2. Рябцев, О. В. Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России: на примере крымско-татарского национального движения: дис. на соиск. Учен. степ. канд. полит. наук: 23.00.02 / Рябцев Олег Владимирович; Южный федеральный университет. Ростов н/Д, 2008. — 182 с.
3. Сафонкина, Е. А. Турция как новый фактор политики «Мягкой силы» / Е. А. Сафонкина // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2014. — № 2. — С. 145–166.
4. Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tika.gov.tr/tr/sayfa/hakkimizda-14649> (дата обращения: 20.08.2021).
5. Шевчук А. Г. Обзорно-аналитическая оценка текущей социокультурной и этноконфессиональной ситуации в циркумпонтийском геополитическом пространстве // Вопросы развития Крыма: науч.-практ. дискус.-аналит. сборник. — Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. Симферополь, 2012. — С. 275–282.
6. Ereker F. A., Özer U. Crimea in Turkish-Russian Relations: Identity, Discourse, or Interdependence?/F. A. Ereker, U. Özer. — DOI=10.30958/ajss.5-4-2 // Athens Journal of Social Sciences. — 2018. Vol. 5, Iss. 4. — p. 371–388.
7. Göksel D. N. Turkey's Russia Conundrum: To Court or to Curb?/D. N. Göksel // Eurasia Review Policy Brief. — 2014. — 23 Sep.
8. Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return / W. Safran. — <https://doi.org/10.1353/dsp.1991.0004>//Diaspora: A Journal of Transnational Studies. — 1991. — Vol. 1, № 1. Spring. — P. 83–99.
9. Williams, B. G. The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation the Diaspora Experience and the Forging of a Nation / B. G. Williams. — Leiden: Brill, 2001.

Uznarodov D. I.,
Federal State Budgetary Institution of Science
«Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences»,
Rostov-on-Don, Russia

THE CRIMEAN PENINSULA
IN THE CONTEXT OF THE FOREIGN POLICY OF THE REPUBLIC OF TURKEY

This paper examines specifics of the influence of Turkish factor on the ethnopolitical process in the Crimea. The main resources of the influence of Turkish Republic on the ethnopolitical process on the Crimean peninsula are allocated. The role of the influence of a number of humanitarian organizations on this process is considered. It is noted that the actualization of the Crimean Tatar issue for Turkish foreign policy occurs after the collapse of the Soviet Union. It is concluded that, despite active attempts to increase its geopolitical influence in the region, Turkey's policy towards Crimea continues to be quite moderate even after the events of 2014: Turkey does not recognize the results of the 2014 referendum, defending the territorial integrity of Ukraine, while not supporting sanctions, imposed by the EU and the US against Russian Federation.

Key words: Russia; Crimean Peninsula; Republic of Turkey; foreign policy; ethnopolitical process; Crimean Tatars; diaspora.

УДК 930:608

Харкевич А. С.,

студентка, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (МГТУ), Москва, Россия

© 2021

Тудиерова Ю. А.,

студентка, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (МГТУ), Москва, Россия

© 2021

Научный руководитель: Бушуева В. В., кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия» МГТУ, Москва, Россия

ТЕХНОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СССР И РОССИИ И ИХ ПРОЯВЛЕНИЕ В СФЕРЕ КОСМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В данной работе авторы обосновывают тезис о том, что Советский Союз был техногенным обществом, а Российская Федерация в настоящее время находится на стадии перехода к «посттехногенной» цивилизации. Выделяются характерные особенности этих цивилизаций, приводится ряд достижений нашего государства в космической сфере в XX и XXI вв. Также утверждается, что Россия имеет большой потенциал развития в деле освоения космоса.

Ключевые слова: *техногенная цивилизация; признаки техногенной цивилизации; космические достижения СССР и России; социум, личность, природа, наука и техника; «посттехногенная» цивилизация; развитие космоса.*

Цель данной работы заключается в определении типа цивилизаций в СССР и современной России путем анализа социума, личностного мировоззрения, биосферы и техносферы, а также сравнительном анализе космических достижений СССР и России в XX и XXI вв. Еще один вопрос, на который дают ответ авторы работы: что следует предпринять для ускорения перехода отечественного общества к новому типу «посттехногенной» цивилизации.

Техногенная цивилизация

Начнем с того, что в настоящее время нет единого определения понятия «техногенная цивилизация». Философы, историки и инженеры по-разному понимают этот термин, его содержание. Разнообразие и многочисленность дефиниций обусловлены в первую очередь спецификой подходов к этой теме со стороны представителей различных научных дисциплин. В России этот термин впервые был предложен академиком РАН В. С. Стёпиным в 1998 году. Он, выделив факто-

ры приоритета научного познания и внедрения технических инноваций, объяснил этот феномен как причину ускоренных темпов преобразований в современном обществе и культуре, изменений образа жизни.

Техногенная цивилизация (буквально — «цивилизация, порожденная техникой») — состояние цивилизации, обусловленное развертыванием научно-технического прогресса. Наука и техника являются основой техногенной цивилизации, источником и двигателем ее развития, средством решения любых возникающих в обществе проблем [3].

В. С. Стёпин выделил следующие признаки техногенной цивилизации:

- приоритет науки, техники и технологий;
- ориентацию на инновацию как важнейшую ценность общества;
- идеал деятельно активного человека, преобразующего природный и социальный мир;
- установку на отношение господства/подчинения к миру природы или миру людей;
- прогрессизм с ориентацией на будущее;
- увеличение темпов социальных изменений за счет перестройки прежних способов жизнедеятельности и создание условий для формирования новых возможностей.

СССР — техногенная цивилизация

Вторая мировая война (1939–1945 гг.) послужила стимулом для становления СССР как техногенной цивилизации, так как в это время у страны появилась острая необходимость усовершенствовать свой военно-промышленный комплекс для эффективного противостояния агрессору.

После окончания одной войны началась новая — так называемая «холодная» война 1947–1991 гг. Она послужила более мощной мотивацией для активного развития СССР во многих отраслях промышленности и в научной сфере. Так, большинство крупнейших достижений Советского Союза в области науки и техники приходится как раз на период «гонки вооружений» (и во многом благодаря ей):

- АЭС — первая в мире атомная электростанция (1954 г.);
- первый переносной («мобильный») телефон (1957 г.);
- атомоход «Ленин» — первый в мире атомный ледокол (1959 г.);
- электронная вычислительная машина «Сетунь» — современный троичный компьютер (1959 г.);
- Луна-10 — первый искусственный спутник Луны (1966 г.);
- Ту-144 — первый в мире сверхзвуковой пассажирский самолет (1968 г.);
- Ю. А. Гагарин совершил первый полет в космос на корабле «Восток-1» 12 апреля 1961 г.;
- А. А. Леонов совершил первый в истории человечества выход в открытый космос (корабль «Восход-2», скафандр «Беркут», 18 марта 1965 г.).

Перечислять факты научного триумфа Советского государства можно довольно долго. Советский Союз занимал первое место в мире по запускам космических аппаратов. В 1970 году первый в мире планетоход «Луноход-1» был доставлен на поверхность Луны и работал там целый год. В 1960–70-е гг. в СССР для

контроля космических запусков был создан уникальный, не имеющий аналогов, Морской космический флот СССР, а также была выведена на орбиту советская космическая станция «Мир» (в 1986 г.) [4].

Проанализируем общество в СССР на соответствие признакам, выделенным В. С. Стёпиным.

Во-первых, техногенная цивилизация предполагает достижение высокого уровня жизни за счет активного продвижения научно-технического прогресса. А в развитии Советского Союза решающую роль играли постоянные исследования в науке, поиск и применение новых технологий, как производственных, так и технологий социальных коммуникаций и социального управления.

Во-вторых, в культуре обществ того времени доминировало понимание человека как деятельного существа, преобразующего окружающий мир в объекты, удовлетворяющие человеческие потребности. Это концептуальное положение наделяло человека *a priori* властью над природой и было призвано обосновать расширяющийся контроль человека над природными процессами. Однако в СССР не особо задумывались об истощаемости природных ресурсов и активно «черпали» из сокровищниц природы.

В-третьих, в стране в качестве ценностного приоритета утверждался идеал свободной индивидуальности, которая отличалась атеистическим мировоззрением, могла относиться к различным социумам и обладала равными с другими правами. Это не соответствует характеристикам традиционного общества. С другой стороны, данный сформированный «идеал» привел в СССР к упадку духовно-нравственных, моральных и культурных ценностей. Со временем основы традиционной цивилизации уступили место партийно-бюрократическим и производственным приоритетам [2].

Таким образом, СССР нельзя однозначно назвать традиционным обществом. Страна, согласно всем ключевым признакам, была техногенной цивилизацией, интенсивно осваивавшей космическое пространство, что впоследствии оказало влияние на развитие социума в целом и личностный облик каждого отдельного гражданина СССР. Советское общество подарило человечеству множество открытий. Научно-технический прогресс и экономический рост вывели качество жизни советского человека на новый, более высокий уровень, обеспечили возрастающий уровень потребления, медицинского обслуживания, увеличили среднюю продолжительность жизни в СССР. Но они породили и перекосы в сфере взаимоотношений человека и природы — обозначились предвестники масштабных кризисов — экологического и антропологического.

Современная Россия — посттехногенная цивилизация

После распада СССР, его наследие, а также возникшие проблемы стали достоянием Российской Федерации. Но нынешнюю Россию уже нельзя отнести ни к техногенному, ни к традиционному типу цивилизаций. В наши дни можно говорить о неоднородности общества, наличии в нем плюрализма. Вследствие отсутствия единой цели, люди стали по-разному видеть настоящую и будущую картины мира. К тому же произошли серьезные подвижки в структуре социума:

декларируемый в СССР принцип «человек человеку — друг, товарищ и брат» сменился на культ эгоизма, гедонизма и равнодушия в нынешней России. Большинство граждан РФ стала интересоваться в основном материальная сторона жизни; порой их единственным мотивом к деятельности выступает стремление к «обеспеченной жизни» для себя и своих близких. Постепенно стерлись многие универсальные «табу», ранее циркулировавшие в обществе, который налагали известные ограничения на использование ненормативной лексики, эпатирующее поведение и внешний вид. Однако стоит отметить, что в современном российском обществе есть и те люди, которые все еще придерживаются достаточно жестких морально-нравственных принципов, исповедуют духовно-центричную систему ценностей, сохраняют толерантность и уважение к религиозным формам сознания. Для них в РФ возродилась свобода вероисповедания, поддерживается церковная традиция, — всё это характерно для традиционной цивилизации.

Общество стало задумываться не только об истощаемости природных ресурсов, но и об ускоренном загрязнении экосферы, экологических угрозах. Были учреждены и начали работать специальные организации по защите и охране окружающей среды. Их деятельность направлена на устранение последствий антропогенного воздействия на экосреду — уборку мусора, переработку отходов, лесовосстановление и пр.

Наконец, нужно отметить, что Россия продолжает заниматься разработками в сфере наукоемких технологий, что свойственно техногенному государству. Сегодня отечественная инженерная мысль может похвастаться неплохими результатами в сфере IT-технологий и медицины, автоматизации производства и робототехнике.

Если говорить об очередных шагах в отношении освоения космического пространства, то здесь можно выделить следующие достижения, принадлежащие Российской Федерации:

- в марте 2015 года российский космонавт Михаил Корниенко был доставлен на Международную космическую станцию. Там он проработал 340 суток;
- в апреле 2016 года состоялся первый запуск ракеты-носителя с нового российского космодрома «Восточный»;
- 4 апреля 2019 года грузовой корабль «Прогресс МС-11» прибыл на МКС за рекордные 3 часа 21 минуту, стартовав с космодрома Байконур и т. д. [5; 6].

Сравнивая колоссальные научно-технические достижения СССР и довольно скромные результаты России, можно заметить, что, обладая большим потенциалом и возможностями, на данный момент РФ не использует их в полной мере. Цитируем высказывание президента РАН А. М. Сергеева о потере Россией приоритета в освоении космического пространства: «Мы больше не можем конкурировать в космосе с другими ведущими в этой области державами... Наше отставание имеет численный показатель — космическая наука финансируется в 60 (!) раз меньше, чем научные проекты NASA». Продолжая «развитие» такими темпами, наша страна может безвозвратно потерять свое лидерство в конкурентной борьбе с США и Китаем [7].

Современная цивилизация находится на стадии перехода к «посттехногенной», возникает обострение различных кризисов. Если во времена Советского Союза войны вызвали резкий скачок в социально-экономическом развитии, то в

наше время военное противостояние грозит человечеству гарантированной гибелью из-за наличия у многих держав сверхмощного оружия массового поражения. Появляется проблема поиска новых стратегий развития и переосмысления основ жизнеустройства нашего государства. Решение этих проблем — первый шаг на пути к принципиально новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционному и техногенному. Поиск решений, полагаем, будет вестись на основе исторического опыта и с учетом гармонизации четырех взаимозависимых базовых ценностей: сохранения и развития человека, человечества, биосферы и техносферы [8].

Мы видим огромный потенциал в изучении космоса. В настоящее время крупнейшие державы строят грандиозные планы по покорению и исследованию космического пространства. Нашей стране досталась обширная база знаний, накопленных советскими учеными, и перспективные космические технологии XX века. Необходимо грамотно распорядиться имеющимися ресурсами, найти людские и финансовые резервы для дальнейшего развития космической отрасли. Если этого не удастся сделать, то наша страна в скором будущем может стать лишь потребителем услуг в космической сфере, а не их законодателем и инициатором.

Выводы

В данной статье мы определили, что СССР был техногенной цивилизацией. Руководство Советского Союза основное внимание уделяло научной и технической сферам. При этом в СССР свобода вероисповедания не рассматривалась как главный критерий идентификации человека государством (хотя в советской Конституции и фигурировала норма о свободе совести). Согласно советской идеологии в обществе господствовали принципы материалистической марксистско-ленинской философии. Была ужесточена идейная цензура, наложены существенные ограничения на свободное (не контролируемое со стороны государства) общение граждан с «буржуазным» зарубежьем. Указанные обстоятельства в какой-то степени повлияли на распад СССР, несмотря на имевший место технологический подъем на протяжении почти всей второй половины XX века.

Мы также выяснили, что в России сегодня зарождается новая, ранее неизвестная «посттехногенная» цивилизация, которая объединила в себе характеристики традиционной и техногенной. Шаг за шагом формируется социальный портрет нового общества — люди активно развиваются как духовно, так и интеллектуально. Но, как можно заметить, современная Россия не выделяет достаточного количества средств и ресурсов для интенсивного освоения государством космического пространства. Причина этого — несовершенство структуры отечественной экономики и повышенная чувствительность системы государственных финансов к внешним вызовам.

Выходом в этом смысле может стать совместное с другими странами (на основе международной кооперации) развитие космических технологий и исследование космического пространства. Это позволит не только укрепить межгосударственные взаимоотношения, но и быстрее перейти к цивилизации иного, более прогрессивного типа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Стёпин В. С., Кузнецова Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: Изд-во ИФ РАН, 1994. — 274 с.
2. Интервью В. С. Стёпина на тему «Россия как техногенное общество. В нем даже время течет по-другому» // Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: science_philosophy.academic.ru/392/ТЕХНОГЕННАЯ_ЦИВИЛИЗАЦИЯ (дата обращения: 17.12.2020).
3. Техногенная цивилизация. Философия науки и техники: тематический словарь. [Электронный ресурс] URL: science_philosophy.academic.ru.
4. Десять величайших советских достижений [Электронный ресурс]. URL: back-in-ussr.com/2017/02/10-velichayshihsovetskih-kosmicheskikh-dostizheniy.html (дата обращения: 15.12.2020).
5. Список российских космических достижений за гол по версии «РИА Новости» от 12.04.2019 [Электронный ресурс]. — URL: ria.ru/20190412/1552628019.html.
6. Пять достижений российской космонавтики за последние 20 лет [Электронный ресурс]. URL: zen.yandex.ru/media/kosmo/5-dostizhenii-rossiiskoi-kosmonavtikiza-poslednie-20-let-5b8a1d371f845300ab3b8cf7 (дата обращения: 17.12.2020).
7. Высказывание президента РАН А.М.Сергеева, опубликованное на сайте MKRU от 25.11.2020 [Электронный ресурс]. URL: mkru.turbopages.org/mk.ru/s/science/2020/11/25/glava-ran-zayavil-o-potere-rossiey-kosmosa.html (дата обращения: 14.12.2020).
8. Лепецкой В. Е. Системные основания для перехода от техногенной цивилизации к социогуманитарной цивилизации [Электронный ресурс]. URL: cyberleninka.ru/article/n/sistemnye-osnovaniya-dlya-perehoda-ottehnogennoy-tsvilizatsii-k-sotsiogumanitarnoy-tsvilizatsii/viewer (дата обращения: 17.12.2020).

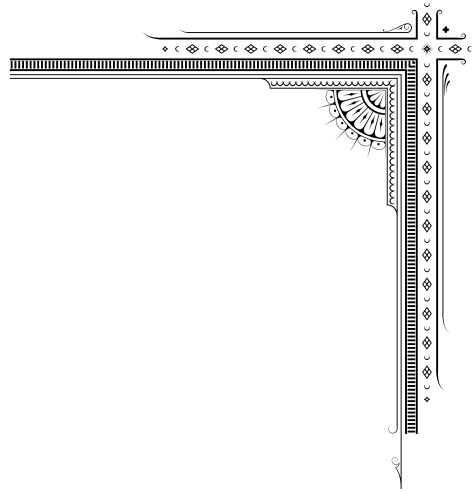
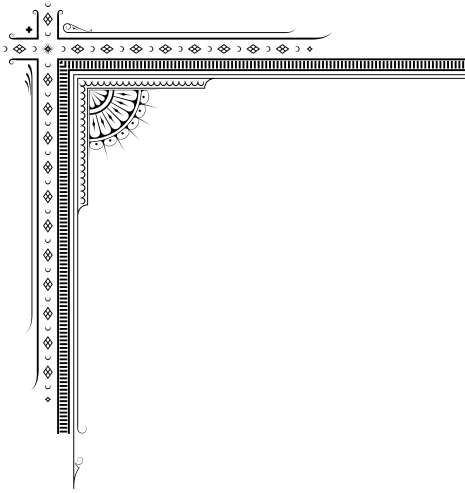
Harkevich A. S., Tudierova Y. A.,
students, Bauman University, Moscow, Russia

Academic Supervisor: *Bushueva V. V., Cand. of Philosophical Sciences,*
Assoc. Prof. of Department «Philosophy» of the Bauman University, Moscow, Russia

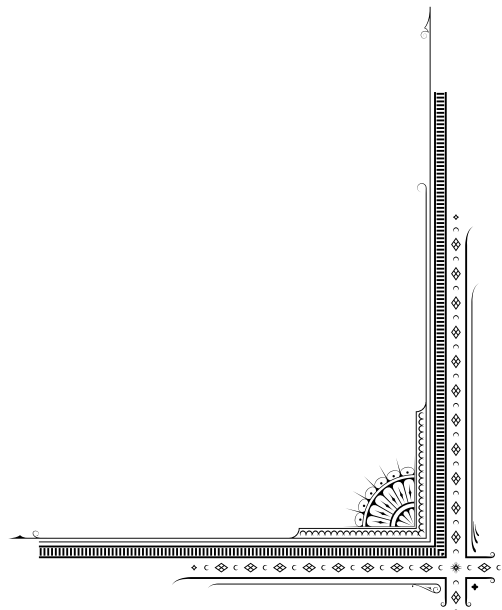
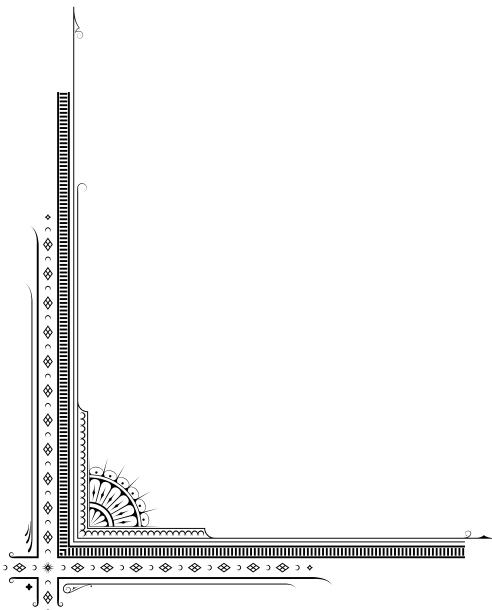
TECHNOGENIC FACTORS OF CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF THE USSR AND RUSSIA AND THEIR MANIFESTATION IN THE FIELD OF SPACE RESEARCH

In this work, it is said that the Soviet Union was a technogenic society. And the Russian Federation is considered at the stage of transition to a «post-technogenic» civilization. The characteristic features of these civilizations are highlighted. The following are a number of achievements in the space sphere of the 20th and 21st centuries. It is also argued that Russia has a great potential for development in the space area.

Key words: technogenic civilization; signs of technogenic civilization; space achievements of the USSR and Russia; society, personality, nature, science and technology; «post-technogenic» civilization; space development.

Секция
**«ЛИНГВИСТИКА, ФИЛОЛОГИЯ,
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»**

УДК 81'27

Николаев С. Г.,

заведующий кафедрой английской филологии

Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации

Южного федерального университета, доктор филологических наук, профессор

Ростов-на-Дону, Россия

© 2021

Лыткина А. В.,

магистрант Школы иностранных языков,

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

© 2021

КОММУНИКАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА ДИСКУРСА ВЕДУЩЕГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТОК-ШОУ

В статье рассматриваются характерные особенности дискурса ведущего на примере эпизодов популярных англоязычных ток-шоу. Проводится анализ механизмов речевого воздействия, используемых ведущим для привлечения внимания аудитории, а также обмена информацией. Выделяются характерные стилистические особенности речи говорящих сторон — ведущего, гостей, аудитории.

Ключевые слова: *ток-шоу; ведущий; экспрессивность; разговорная речь; разговорный стиль; англоязычный диалогический дискурс; дискурс ведущего.*

ВВЕДЕНИЕ

С коммуникативной точки зрения современное телевизионное ток-шоу — независимо от его универсальных, то есть вненациональных, но также и национально-локальных характеристик — отличается тематической и жанровой спецификой. В аспекте генристики (теории жанров) ток-шоу синкретично: оно несет в себе признаки интервью, дискуссии, игры, беседы. При этом важно отметить, что коммуникация в нем сконцентрирована на личности ведущего. Ведущий — это одновременно и инициатор коммуникации, и коммуникативный медиатор, занимающий срединную позицию между зрителями и гостями шоу. Поэтому речевое поведение ведущего имеет особо существенное значение как «внутри» временной структуры телепередачи, так и за ее пределами.

Эпизоды ток-шоу характеризуются достаточно прозрачным, логически оправданным композиционным построением, подчиненным цели постоянного поддержания внимания телеаудитории. Многие ток-шоу разделяются на части, или раунды, и каждый из них несет свою смысловую и содержательную нагрузку [4, с. 59]. Обязательно наличие подготовленного заранее сценария, так как жанр

ток-шоу — это главным образом создаваемое на телевидении представление, имеющее свою структуру. Участники ток-шоу одновременно выступают его персонажами с закрепленными за ними ролями. Присутствие аудитории в студии является важным условием для проведения ток-шоу [2, с. 10].

Одна из причин, почему ток-шоу остаются популярными на сегодняшний день, заключается в том, что ключевые моменты или эпизоды целиком публикуются в Интернете. Для создания рейтингов шоу необязательно смотреть в определенное время по телевизору, так как оно будет доступно онлайн в любое время после выхода [6, с. 29].

Драматургия ток-шоу базируется на вопросно-ответной схеме устной вербальной коммуникации. Форма, качество, вид, логика, последовательность вопросов определяют интригу и общую динамику развития сюжетной линии программы. Наконец, многие исследователи жанра считают, что залог успеха ток-шоу — это юмор [1, с. 102]. Юмор в публичной речи помогает оратору проявить себя в качестве остроумной личности, «положительно настроенной по отношению к аудитории» и помогает установить контакт с собеседником, снять напряженную обстановку в речевом общении и расположить собеседника. [3, с. 37].

Ведущий ток-шоу — координатор передачи. Как правило, это известная (публичная) личность, чей индивидуальный стиль общения определяет и имидж всей программы. Более того, названия большинства ток-шоу связаны с именем ведущего. Так, в нашей выборке во всех названиях ток-шоу имя ведущего присутствует как обязательный компонент: *The Tonight Show Starring Jimmy Fallon*, *Jimmy Kimmel Live*, *The Ellen DeGeneres Show*, *The Graham Norton Show*. Ведущему должны быть присущи такие общественно позитивные качества, как юмор, обаяние («харизма»), остроумие, находчивость, умение заинтересовать и так же заинтересованно слушать, умение пластично двигаться, грамотно, хотя и подчас нестандартно формулировать идеи и т. д.

Ведущий задает темп передачи, устанавливает общую атмосферу, контролирует диалог или полилог, направляет его «в нужную сторону», выбирает актуальные темы беседы, фокусирует внимание на отдельных смысловых элементах высказываний адресата [5].

Зарубежные исследователи жанра ток-шоу выделяют две определенные нормы, которые должен соблюдать ведущий: *personalization* (индивидуализация) и *congeniality* (близость к гостю) [6, с. 33].

Индивидуализация или персонификация в ток-шоу проявляется в том, что ведущие вовлечены в интервью с гостем лично, могут выражать свое мнение, собственные взгляды, обращаясь через них к гостю, для того чтобы узнать его позицию и отношение к проблеме.

Норма конгенальности заключается в создании преимущественно дружеской обстановки. Ведущий строит шоу так, чтобы передача была интересна аудитории, удовлетворяла запросы приглашенных гостей и аудитории. Так, ведущий может частично отвечать на вопросы, заданные гостям, показывая свою вовлеченность и интерес к личности гостя. Тем не менее в современных ток-шоу соблюдается вежливость, ведущий не спорит и не критикует приглашенного гостя [6, с. 33–34].

При всем сказанном коммуникативная специфика ток-шоу, представленная в речи ведущего, еще далека от своего системного описания и строго научного осмысления. Причина этого видится прежде всего в спонтанности, «живом» импровизационном настрое коммуникации, изменчивости и динамизме в выборе вербальных (и паравербальных, таких как мимика, жест, поза и т. д.) средств выразительности речи. Сказанное придает настоящему исследованию очевидную актуальность и своевременность. При этом включение в изучение речи ведущего ток-шоу обязательного компонента системности призвано сосредоточить внимание на этой речи как на сложном социально-коммуникативном феномене, требующем не только практического, но теоретического осмысления в рамках коммуникативной лингвистики.

МАТЕРИАЛ

В качестве материала мы использовали эпизоды за 2019–2021 годы. Нами была проанализирована речь семи ведущих ток-шоу: Джимми Фэллона (Jimmy Fallon), Джимми Киммела (Jimmy Kimmel), Грэма Нортон (Graham Norton) и Эллен Дедженерес (Ellen DeGeneres). В *The Ellen DeGeneres Show* имеются эпизоды, в которых вместо Эллен шоу вели приглашенные ведущие — Дженнифер Энистон (Jennifer Joanna Aniston), Шон Хейс (Sean Hayes) и Джон Ледженд (John Legend). В качестве основного материала нами было выделено 208 реплик, имеющих отчетливые временные и смысловые границы — левую и правую).

ДИСКУССИЯ

Поскольку любая передача обсуждаемого жанра имеет вполне определенную структуру, то и в дальнейшей части статьи мы намерены придерживаться этой структуры.

Коммуникация в ток-шоу традиционно начинается с ритуала приветствия и завершается ритуалом прощания. Любопытно, что уже на начальном этапе шоу присутствует эмоциональный компонент: так, ведущий с нескрываемой радостью приветствует зрителей, но в то же время с заметной досадой говорит о небольшом отрезке времени шоу:

We've got a great show for you tonight! Oh, so many wonderful people to talk to and only 45 minutes to do it! (Gr. Norton, ep.409)

После приветствия аудитории ведущий поднимает актуальные мировые проблемы. Часто это происходит в критических тонах: например, ведущий говорит о политических проблемах США, при этом персонифицирует речь, упоминая ведущих политиков:

There is no doubt what a president did was wrong. It was to promote his own personal interest, not the interest of our country. It did put our national security at risk. (Ellen, ep.2843)

В жанре ток-шоу, рассчитанном на широкую и осведомленную аудиторию зрителей, политические проблемы нередко сочетаются с проблемами шоу-бизнеса:

Our president cares more about the Kardashians than the Ukrainians. (J. Kimmel, ep.2762)

Речь ведущего с самых первых фраз насыщена экспрессивной лексикой; часто встречается стилистически сниженные слова и выражения, принадлежащие к смежным семантическим полям политики и дипломатии. Наряду с политическими клише могут употребляться жаргонизмы для высмеивания политических деятелей.

*Biden has called Trump the **laughingstock** of the world.* (J. Fallon, ep.1171). В данном случае мы наблюдаем неформальную метафорическую единицу, означающую “*extremely stupid*” (Cambridge Dictionary)

Часто встречаемым является прием антономазии, основанный на замене названия или имени указанием наиболее актуальной на данный момент черты человека или явления. Так, мы без труда догадываемся, что, используя выражение *Mr. Crime-fighter*, ведущий говорит о президенте США Дональде Трампе, а говоря *his trolls*, подразумевает его подчиненных:

*That's how much **Mr. Crime-fighter** cares about corruption. They just had to announce it, so **his trolls** could paste that all over Facebook and Fox news.* (J. Kimmel, ep.2762)

Ток-шоу обычно чрезвычайно чувствительны к насущным проблемам современности, волнующим большинство телезрителей. Так, с февраля 2020 года в начале многих, если не всех, значительных ток-шоу освещаются проблемы, связанные с коронавирусной инфекцией, причем нередко с иронией или сарказмом.

*Everyone now seems to think they're **an expert on the coronavirus**. Me included.* (J. Kimmel, ep.2808)

Как уже говорилось ранее, для речи ведущего должны быть характерны остроумие, находчивость, юмор. Наблюдаемое использование зевгмы приводит речь ведущего на грань языковой игры. К примеру, в следующем эпизоде, основанном на полисемии глагола *to spread*, создается яркий комический эффект (в сочетании с эффектом обманутого ожидания).

*Over the world people are meeting up to spread love, joy, **the coronavirus**.* (Gr. Norton, ep.424)

Смягчая «травмирующую» тематику передачи своей речью, ведущий часто намеренно избегает произнесения слов *pandemic*, *coronavirus*, *quarantine*, заменяя их эвфемизмами, легко понятными аудитории, приглашенным зрителям, гостям, а также активно использует жесты, мимику, паузы и интонационные контуры речи. Здесь мы, помимо прочего, наблюдаем прием риторического восклицания:

*Little did we know it could have been a super spreader at the time! It was a February **right before, you know**.* (Ellen, ep.2985)

Однако глобальные проблемы не всегда поднимаются в начале шоу. Время от времени ведущий может переключаться, «отвлекаться» от сложных тем и неожиданно говорить о популярных шутках, мемах, интересных происшествиях. Для этого он использует иронию, сарказм, меняет интонацию, активно пользуется жестами и может привлекать различные аудиовизуальные материалы. Иными словами, ведущий демонстрирует свое владение навыками публичного выступления и активно пользуется стилистически разнородными пластами лексики — наряду с разнообразными стилистическими средствами и риторическими приемами.

A banana that's just duct-taped to a wall just sold for 120000 dollars. 120 000 for a banana taped to a wall? But this is nice, the buyer also got a certificate authenticating that they're a moron. (J. Fallon, ep.1171). Здесь мы встречаем окказионализм — адъектив *duct-taped* (о банане, приклеенном малярным скотчем), вульгаризм *a moron* и, одновременно, риторический вопрос.

В другом случае ведущий, обсуждая, чем закончился эпизод популярного американского шоу *The Bachelor*, с явной иронией, которую подчеркивает выбор лексики и, на синтаксическом уровне, построение предложения в целом, говорит о героине, покинувшей проект, следующее:

What we do know is that last night Madison on this show sent herself home. (J. Kimmel, ep.2808)

В основной, срединной части шоу ведущий приглашает в студию известных гостей, знакомит с ними аудиторию, приветствует их, произносит комплименты. Здесь активно меняется интонация речи и используются восклицательные предложения:

Jennifer Lopez is my guest tonight! (J. Fallon, ep.1171)

An American Hollywood star in our humble studio! (Gr. Norton, ep.454)

Ведущий представляет гостя, говоря о нем исключительно приятные слова для того, чтобы каждый гость непременно почувствовал себя личностью значимой, интересной, уникальной. Здесь в восприятии аудитории формируется отношение ведущего к гостю и желание передать это отношение зрителям:

She has ruled our TV screens as the mother of dragons in Game of Thrones. Please, welcome, Emilia Clarke! (Gr. Norton, ep.409)

Our first guest has not only one an Oscar, a Golden Globe, and an Emmy award, she also runs an empire called "Goop". Please welcome, my friend, Gwyneth Paltrow! (Ellen, ep.2849)

Производится «вербальное завышение» статуса собеседника:

The one and only Will Smith. (J. Fallon, ep.1184)

Ведущий часто обращается к гостю, используя его имя или стандартные формы обращения: *friend, mate, dear*.

Bryan, are you a good giftgiver? (Ellen, ep.2985)

Thank you so much, my friend! (Ellen, ep.2849)

Но сленговые, разговорные обращения (*pal, bro, fellow* и др.) используются реже, поскольку в большинстве случаев это не соответствует амплуа ведущего.

Ведущий создает благоприятную обстановку шоу: своими вопросами он выстраивает содержательную и эмоциональную основу программы и задает определенные рамки беседы. Являясь центральной фигурой шоу, ведущий в целом «направляет» разговор. Артистизм ведущего добавляет активность и живость программе, создавая эффект «живого, непредсказуемого действия».

Во время разговора с приглашенными гостями ведущий активно использует фонетические и синтаксические средства экспрессии, в целом характерные для его возраста (в нашем случае обе ведущие — представители среднего поколения) и пола (пятеро ведущих шоу — мужчины, две — женщины). Во всех исследованных нами шоу присутствуют дополнительные материалы: например, ведущий, используя явные приемы популярной журналистики, сопровождает разговор с известным гостем показом фотографий, презентацией видео- или аудиоматериала.

Ведущий может также задавать каверзные вопросы и остроумно комментировать ответы приглашенной звезды, что прибавляет нотки юмора всему шоу, создает атмосферу доверия между зрителем, гостем и ведущим:

It's kind of like a third date, which means you guys better put out or it's over, OK? (Ellen, ep.2775)

Ведущий задает достаточно личные вопросы про семью и детей гостя, и тогда нейтральная беседа прерывается эмоциональной реакцией ведущего с помощью восклицательных междометий, мимики и интонации.

Do you have kids? — I do. — How many kids? — Four. — Whoah! (Ellen, ep.2849)

В ответ на вопросы ведущего гости также могут задавать ему свои вопросы. Ведущий отвечает, показывая свое искусное владение юмором, и здесь мы снова наблюдаем прием зевгмы:

What are the 3 things you love about me? — Your warmth, your humor, and your ass. (Ellen, ep.2772)

В речи ведущего с лексической точки зрения видим большое количество устоявшихся единиц — речевых и языковых клише. Их взвешенное, размеренное употребление делает речь более живой, но также помогает разрушить границу между ведущим и гостем, создавая эффект дружеского разговора. Клише — несомненно одно из очевидных лексических средств стиля ток-шоу:

Oh, so it'll cost a fortune! (Gr. Norton, ep.454)

Использование устойчивых фразеологических конструкций, наполненных образностью идиом (ярких, знакомых слушателям, но не часто употребляющихся в речи), сленговых выражений добавляет живость, метафоричность и эмоциональность речи ведущего. Обычно это происходит спонтанно, что должно свидетельствовать о неподготовленности и непредсказуемости диалога с гостями шоу.

So, I think it's all smoke and mirrors with her. (Ellen, ep.2775) — “things which are intended to deceive or confuse people” (Collins English Dictionary)

Часто подобные устойчивые выражения ведущей специально выделяет интонацией, делая соответствующие паузы:

I know how you guys cook the books. (Ellen, ep.2775) — “to change numbers dishonestly in the accounts of an organization, especially in order to steal money from it” (Cambridge Dictionary)

I'm telling you some deep, dark secrets. (Ellen, ep.2834) — “a piece of information that is extremely private and confidential, usually implied to be embarrassing, incriminating, or shameful” (The Free Dictionary)

Речь ведущего нередко строится на игре слов. Использование каламбура — один из приемов создания экспрессии и доказательство неподготовленности речи. Каламбур непредсказуем, он делает речь образной и энергичной. Каждый ведущий должен обладать чувством юмора, быть талантливым настолько, чтобы придумывать шутки на ходу. В этом проявляется особенность и изюминка американских и британских ток-шоу.

Так, каламбур, основанный на созвучии слов *force* (сила), *fourth* (четвертый), а также *may* (модальный глагол) и *May* (месяц) создает мгновенный комический эффект.

Yep, they call it “Star Wars” Day because of the phrase, “May the 4th be with you”. (J. Fallon, ep.1255)

В следующем случае использовано созвучие фамилии актрисы *Wood* и вспомогательного/модального глагола *would*:

Twitter your account is EvanRachelWould. W-O-U-L-D. Like Evan Rachel Wood. So, I thought it would be fun to play a game called "Evan Rachel Would or Evan Rachel Wouldn't". (J. Fallon, ep.1255)

Важное качество ведущего — способность к самоиронии. Часто юмор говорящего строится вокруг нелепых ситуаций, произошедших с самим ведущим. Этот человек не боится шутить над самим собой, например, показывая свою неосведомленность. Таким он дает зрителям понять, что является одним из них, обычным человеком, и это создает доверительную атмосферу в студии:

I don't know how to play chess. I know that checkmate is what Porsha says when we were at the restaurant and ready for the bill: "Check, mate!" (Ellen, ep.2985)

После демонстрации самоиронии ведущий может мгновенно переключаться на гостей ток-шоу. Здесь в каламбурных конструкциях часто возникает ритм, основанных на повторах:

She showed up in a formal dress with a formal address. (J. Kimmel, ep.2808)

Oh my god, she was like, it's not lighthouse keeping duties. It's light housekeeping duties. (Gr. Norton, ep.409)

Ведущий умеет быстро и с юмором реагировать на слова, сказанные гостем:

— *You can dance. Everyone can dance. — Everyone can dance, but I don't know if everyone should.* (J. Fallon, ep.1147)

Итак, с позиций синтаксиса в речи ведущего часто наблюдается использование повторов, что также говорит о неподготовленности речи и о человеческом факторе.

She looks like she's going to die. Look at her and look at those arms, look at her face, look at her face, she doesn't think... (Gr. Norton, ep.454)

Наряду с риторическим обращением к публике, ведущий может использовать и известные обращения к аудитории, привлекая таким образом внимание к сказанному. Подобные обращения носят непринужденный дружеский характер:

Okay, ladies and gentlemen! (Ellen, ep.2849)

Audience, want to help? (J. Fallon, ep.1147)

Намеренные паузы по ходу передачи замедляют темп шоу, дают возможность аудитории отреагировать аплодисментами, возгласами, иными звуками.

Приглашенные гости вежливы, используют слова благодарности и признательности друг другу, ведущему и аудитории.

Proud of you! (Ellen, ep.2837)

Thank you so much, my friend. (Ellen, ep.2837)

Часто знаменитости приглашаются на передачу для продвижения своего «личного» бренда в рамках шоу-бизнеса. В таких случаях звучит анонс нового проекта, рассказ о съемке фильма, релиз песни и т. д. Поэтому ведущий перед прощанием с гостем часто рекламирует или напоминает об этом:

Tickets are on sale now. (J. Fallon, ep.1171)

She also runs an empire called "Goop". (Ellen, ep.2849)

Участие известных деятелей в популярных ток-шоу построено на взаимовыгодных отношениях гостей и ведущего: интервью с приглашенным гостем в рам-

ках шоу посмотрят поклонники, а это поднимет рейтинги передачи и поднимет рейтинг ведущего и «его» передачи. В то же время поклонники ток-шоу узнают интересные факты об артисте и его проекте или познакомятся с новым гостем, что гарантирует возрастающий интерес к личности и продукту ее творчества.

Завершая шоу, ведущий непременно («ожидается») произносит слова-пожелания приглашенному гостю и аудитории, передает благодарность аудитории. Обычно это короткие, достаточно стандартные фразы:

That's all for today. (J. Kimmel, ep.2762)

Thank you so much for joining us. (Gr. Norton, ep.454)

Иногда это выглядит как призыв, что формирует определенную экспрессию речи. Так, ведущий, обращаясь к аудитории, использует речевые стратегии, выполняющие апеллятивную функцию.

Be kind to one another. Bye! (Ellen, ep.2849)

Ритуалы приветствия и прощания обычно сопровождаются тактильными взаимодействиями, однако с марта 2020 они исчезают из-за пандемии коронавируса.

Со времени начала пандемии ток-шоу частично или полностью перешли в онлайн-формат. Многие приглашенные гости не могут присутствовать в студии, в таких случаях ведущий «созванивается» с гостем с помощью различных интернет-платформ: *Zoom*, *Skype*, *FaceTime* и др. Ритуал прощания в таких случаях сопровождается словами надежды на «живую встречу» в ближайшем будущем:

Thank you so much for joining us tonight! Hopefully, we'll see you in the flesh soon! (Gr. Norton, ep.454)

Если же зрители и приглашенные гости присутствуют на ток-шоу, как правило, ведущий отдельно благодарит за присутствие на шоу «вживую». Здесь мы наблюдаем эмоциональный прием парцеллированной речи с небольшой паузой. Ведущий напоминает о том, как изменился мир и как приятно видеть настоящего человека, а не его изображение:

Thanks for being here. In person. (Ellen, ep.2985)

Приглашенные гости в свою очередь выражают признательность передаче, желают удачи и надеются на дальнейшее сотрудничество и встречу.

Thanks, Ellen! Good luck. (Ellen, ep.2849)

Речь ведущего наполнена речевыми оборотами, что делает ее яркой и запоминающейся. Ведущий также активно использует паравербальные и невербальные средства коммуникации, сопровождая свою речь мимикой, жестами, улыбкой.

ВЫВОДЫ

Итак, для безошибочного построения дискурса и формирования образа ведущего необходимо наличие профессиональных навыков, «языковое родство» с гостем-собеседником, тесный контакт с аудиторией, владение авторскими методиками, наличие особой манеры общения, придающей уникальность как сообщаемой информации, так и передаче как коммуникативному конструкту в целом.

При просмотре ток-шоу, помимо ведущего, приглашенных гостей и процесса коммуникации зритель также обращает внимание на интерьер и декор съемочной студии — параметры, имплицитно включаемые в коммуникативную ситуацию.

Обычно в студии присутствует большой экран, кресло ведущего и диван/кресла/стулья для приглашенных. В ток-шоу *The Tonight Show Starring Jimmy Fallon*, *Jimmy Kimmel Live* ведущие на фоне импровизированного ночного города сидят за столом, так что мы сразу понимаем, что они — главные в передаче; такая коммуникация может напоминать интервью журналиста с известной личностью или даже прием у психолога. В ток-шоу *The Ellen DeGeneres Show*, *The Graham Norton Show* ведущие сидят вместе с гостями, что больше напоминает оживленную дружескую беседу. Сюжетные линии этих ток-шоу схожи. Диалог может прерываться на различные игры с гостем или аудиторией, а все шоу часто завершается выступлением музыкантов или певцов.

Языковая личность ведущего имеет большое, если не решающее значение. Речь ведущего экспрессивна и образна, поскольку ток-шоу строится именно вокруг его монолога, диалога или полилога с гостями. На образ и речь ведущего зритель обращает внимание прежде всего. Обладая индивидуальным стилем и профессиональными навыками, ведущий активно использует стилистические приемы и фигуры речи, а его артистизм добавляет передачи живость, яркость, создает дружескую обстановку. Искусное владение ведущего юмором не только добавляет непринужденность, развлекает аудиторию и гостей шоу, подчеркивает непредсказуемость диалога, но и позволяет привлечь внимание к важным проблемам текущего времени. Приглашение известного гостя в передачу всегда носит явный и скрытый рекламный характер, так как этим самым и продвигается «личный» бренд знаменитости, и повышаются рейтинги ведущего и его ток-шоу. Для ведущего характерна определенная система речевого поведения, которая соответствует структуре передачи и соблюдается во всех эпизодах. При этом его публичная речь всегда носит характерные черты спонтанности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гуленко, П. В. Проблемы классификации современных телепередач: сущностные характеристики формата «ток-шоу»/П. В. Гуленко, Ю. И. Долгова//Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. — 2016. — Вып. 3. — С. 102–110.
2. Капишникова, А. В. Лингвистические средства управления дискурсом (на материале американских радиопередач ток-шоу): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: 10.02.04/Капишникова Алла Владимировна; — М., 1999. — 23 с.
3. Королева Ю. П. Роль просодии в реализации юмора и иронии в британской публичной речи: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: 10.02.04/Королева Юлия Павловна; Моск. пед. гос. ун-т. — М., 2008. — 372 с.
4. Кузнецов Г. В. Ток-шоу: неизвестный жанр?/Г. В. Кузнецов//Журналист. 1998. Вып. 11. — С. 59.
5. Сергеев Д. Они в эфире. Как делается телевидение./Д. Сергеев — М.: Издательство АСТ, 2008—352 с.
6. Loeb, L. The Celebrity Talk Show: Norms and Practices. *Discourse, Context & Media* 10, 2015. — С. 29–35.

Nikolaev Sergey G.,
*Chairperson of the English Philology Department,
Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication,
Southern Federal University, Doctor of Letters, Professor, Rostov-on-Don, Russia*

Lytkina Anna V.,
*Master's Degree Student of the School of Foreign Languages,
Higher School of Economics University, Moscow, Russia*

COMMUNICATIVE SPECIFICITY OF THE HOST'S DISCOURSE
IN AN ENGLISH-LANGUAGE TALK SHOW

The article scrutinizes characteristic features of the host's discourse by the example of the episodes of popular English-language talk shows. The authors analyze the mechanisms of the speech impact produced by the host to attract the attention of the audience, and to exchange info. The characteristic stylistic features of the speakers, i.e. the host, the guests, and the audience, are highlighted in the article.

Key words: talk show; host; expressiveness; colloquial speech; conversational style; English dialogic discourse; host's discourse.

УДК 81'38

Николаев С. Г.,

© 2021

*заведующий кафедрой английской филологии
Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета, доктор филологических наук, профессор
Ростов-на-Дону, Россия*

Загоруйко А. Д.,

© 2021

*магистрант кафедры английской филологии,
ИФЖиММК ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия*

ОБРАЗНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОГО РОМАНА XX ВЕКА)

Объектом исследования являются средства создания образности в художественных текстах на английском языке. В качестве предмета исследования выступают механизмы создания художественной выразительности, а также их изменение в ходе развития историко-литературного процесса. Актуальность темы обусловлена возрастающим интересом к литературному процессу и его осмыслению в междисциплинарном свете с точки зрения стилистики и когнитологии. Теоретическая значимость заключается в разработке проблем, связанных с механизмами действия и воздействия экспрессивных стилистических средств в художественном тексте с опорой на имеющиеся исследования в этой области.

Ключевые слова: *средства создания образности; система образности; изобразительность; выразительность; эмоциональность и экспрессивность; динамическое развитие стилистических средств; структура художественного текста.*

ВВЕДЕНИЕ

Роль, место, назначение образных стилистических средств в тексте вербального художественного артефакта — в нашем случае романа — менялись на протяжении всего XX столетия. Помимо собственно совокупности названных средств, как системы и инструмента воздействия на читателя-реципиента, особый интерес представляет характер этих изменений. Отсюда цель нашего исследования: проследить развитие образных средств именно как системы с учетом особенностей таких субъективно-объективных параметров, как авторский стиль изложения и культурно-историческая эпоха. Так как динамика (динамизм) пред-

ставляет собой явление синкретичное и полиаспектное, считаем необходимым привести краткое обоснование выбора темы.

Во-первых, названный феномен малоизучен в современной филологической науке, в лингвостилистике в частности. Во-вторых, он достаточно красноречив с позиций исторического осмысления природы исследовательского объекта. В-третьих, он представляет несомненный экстралингвистический интерес как компонент общечеловеческой (мировой, глобальной) коммуникации.

МАТЕРИАЛ

Для анализа из всего многообразия художественных прозаических текстов, созданных в Британии на протяжении XX века, нами были отобраны следующие три романа: «Луна и грош» (*The Moon and Sixpence*, 1919) Уильяма Сомерсета Моэма, «Возвращение в Брайдсхед» (*Brideshead Revisited*, 1945) Ивлины Во и «Англия, Англия» (*England, England*, 1998) Джулиана Барнса. Такой выбор обусловлен отнесенностью всех произведений к одному литературному жанру романа; они объединены одной тематикой; каждый роман не просто широко известен и популярен у читателей, причем не только англоязычных, но и является весьма значимым событием в контексте «своей» национальной культурной традиции. В содержательный центр трех романов помещена личность творца; развитие фабулы связано с её становлением; глубокой рефлексии подвергается творчество как философско-эстетическая категория и его влияние на жизнь людей в целом.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МЕТОДЫ

При анализе материала использовались методы, включающие анализ теоретической литературы по проблеме исследования, а также культурно-исторический и контекстуальный анализ эмпирического материала. Также применялся метод сплошной выборки и описательный метод в совокупности с приемами лингвистического наблюдения, сравнения, классификации и интерпретации.

ДЕФИНИЦИИ БАЗОВЫХ ПОНЯТИЙ

Прежде чем перейти к рассмотрению инструментария конкретных образных средств, следует определить базовые понятия экспрессивной стилистики, связанные со способностью текста оказывать эстетическое воздействие на читателя.

Так, под *изобразительностью* понимается наглядность элементов речи и их способность вызывать конкретные представления об объектах, которые они описывают [8, с. 121]. Такой способностью обладает только такая речь, которая отклоняется от «нейтрального стандарта». Благодаря этому изобразительная речь воспринимается более оперативно, находит более глубокий эмоциональный отклик, вызывает сопереживание у читателя, лучше и дольше сохраняется в памяти.

Следующей, смежной категорией выступает *выразительность* речи. Под выразительностью понимается «способность текста привлекать внимание своей речевой организацией» [10, с. 215]. Выразительность также называют коммуника-

тивным качеством речи, которое смещает акцент в сторону эстетических свойств текста [8, с. 64]. К числу инструментов, с помощью которых она создается, относятся точность, логичность, ясность, отбор фактов, ритм, а также особые грамматические средства, тропы и фигуры речи. Благодаря выразительности не просто привлекается внимание слушателя к сказанному, но и впоследствии на сказанном внимание реципиента фиксируется.

Понятие *экспрессивности* высказывания не нашло единого осознания и определения в современном языкознании. В контексте нашего исследования мы придерживаемся следующей трактовки: экспрессивностью называются такие свойства языковых и речевых элементов, которые способны выразить эмоциональное и оценочное состояние автора по отношению как к означаемому, так и к реципиенту и коммуникативному акту в целом [8, с. 539]. Экспрессивность субъективна, так как связана с личностью автора и транслирует его отношение к предмету речи или собеседнику. Экспрессивность проявляется практически на всех без исключения уровнях языка. Разноуровневые экспрессивные средства обладают выраженной положительной или отрицательной коннотацией:

— фонетика: фонологически малохарактерные и/или нечастотные для данного языка изменения звуков, акцентные и интонационные средства, звуковые повторы и т. д.;

— морфология: словосложение и экспрессивные аффиксы с частными признаками усилительной (интенсифицирующей) семантики;

— лексика: экспрессивные слова и сочетания слов, переносы лексического значения, междометия, усилительные частицы и т. д.;

— синтаксис: изменение обычного порядка слов, использование эллиптических конструкций, повторов и др. [3, с. 591].

Наконец, понятие *эмоциональности* также имеет несколько интерпретаций. В широком смысле эмоциональность трактуется как разнообразие способов выражения чувств субъекта, а в узком — как чувство говорящего по отношению к объекту речи [6, с. 14]. Эмоциональность может быть языковой и речевой в зависимости от передаваемого значения. В первом случае эмоциональность передает установленное, общепринятое значение, а во втором — индивидуальное, обусловленное определенным контекстом. Таким образом, эмоциональность высказывания всегда связана с реализацией эмоциональной оценки, а экспрессивность — с усилением высказывания и убеждением.

С опорой на взаимодействие рассмотренных категорий нам удалось установить, каким образом они способствуют созданию *образности* художественного текста в целом. Образность, в свою очередь, обусловлена семантической неоднозначностью слова в тексте. В слове можно выделить два компонента его содержания: объективное (или словарное) значение и субъективное значение, также называемое «художественно-образительным приращением» [4, с. 33], которое обуславливает способность слова иметь и «включать» в контекст широкие ассоциативные связи. Таким образом, первое значение слова заключает в себе один признак, в то время как второе содержит множество признаков.

Такое понимание слова позволяет нам выделить несколько характеристик, формирующих образность как систему. Во-первых, предметная конкретность сло-

ва обуславливает конкретное представление об обозначаемом явлении. Предметная конкретность способствует восприятию содержания речи через чувственные представления. Благодаря такому свойству образности создается «достоверный слепок с объективной реальности, легко узнаваемой читателем и проецируемой на ранее полученный опыт» [9, с. 104].

Во-вторых, многозначность слова и его ассоциативность с другими предметами и явлениями окружающей действительности позволяют говорить о семантической двуплановости образности. Она, в свою очередь, проявляется в переносе названия с одного объекта на другой, что способствует «видению одного объекта через другой, к классу которых он не принадлежит» [4, с. 35].

Свойство многозначности позволяет внутри категории образности выделить два типа образности — тропеическую и нетропеическую. Первая основывается на употреблении слов и выражений в переносном значении, а под нетропеической образностью понимается ее способность оказывать эстетическое впечатление с помощью семантически нейтральных слов и контекста [7, с. 255]. Нетропеическая образность также обеспечивается звуковыми, интонационно-ритмическими средствами и синтаксическими приемами. Оба вида образности способствуют восприятию речи через чувственные представления.

В-третьих, образность, имея словесное выражение и являясь частью художественного текста, также передает информацию, заложенную автором, и представляет собой определенный способ концептуализации действительности. В слове отражается действительность, а автор художественного текста осуществляет её вторичное преобразование. Так, образность художественного текста заключается «не в самом по себе использовании речевых явлений, но в характере, в принципе их использования» [1, с. 23]. В каждом словесном образе проявляется индивидуальность автора, который его создал. В то же время у реципиента художественного текста из отдельных словесных образов складывается представление о тексте в целом. Итак, совокупность всех словесных образов в художественном произведении складывается в общую образную систему, интегральная функция которой состоит в формировании у реципиента конкретно-чувственных представлений о действительности.

ДИСКУССИЯ

При рассмотрении средств создания образности особое внимание было уделено их расположению в структуре художественного текста. С одной стороны, текст представляет собой единое целое, причем его единство определяется прежде всего автором. С другой стороны, любой текст состоит из совокупности элементов, составляющих его целостность. Мы пришли к выводу, что художественный текст необходимо рассматривать как комплексную структуру, которая складывается из языковых единиц разных уровней, при этом обладающих своей неповторимой спецификой. Однако деление текста может быть непреднамеренным, так как «сам создатель художественного текста не всегда заранее продуманно и четко членит свое произведение на части» [2, с. 50]. Как и позиционирование средств выразительности, текстовое членение отражает индивидуальные особенности ав-

тора и его подсознательное стремление актуализировать определенные аспекты содержательной информации.

Некоторые исследователи (Г. Н. Акимова, Е. С. Зорина) отмечают тенденцию к усложнению синтаксической структуры художественного текста в произведениях авторов XX — начала XXI века. Эту черту связывают с особенностями поэтики литературных направлений данного периода. Усложнение синтаксиса проявляется в формах передачи неавторской речи, особом пунктуационном и графическом оформлении текста, а также в использовании конструкций экспрессивного синтаксиса [5, с. 164]. Каждый из этих приемов способствует особой организации текста с целью передачи авторского замысла, а также придает тексту дополнительное коммуникативное и эстетическое значение. Подобные изменения позволяют сделать вывод, что структура текста динамична и может намеренно меняться автором для наибольшего (предельного) соответствия замыслу.

Рассмотрим на конкретных примерах средства, с помощью которых формируется система образности внутри отдельного художественного текста. Заметим, что система образных средств любого художественного произведения представляет собой обширный материал для исследования его стилистических особенностей. Зачастую те или иные средства выбираются автором неосознанно, тем самым формируя систему образов, уникальную для каждого отдельно взятого произведения. В фокусе нашего внимания находится авторская речь, так как она наиболее насыщена образными средствами и обращена непосредственно к читателю.

Отправной точкой исследования послужил текст У. С. Моэма «Луна и грош». Прежде всего следует отметить, что повествование ведется здесь от первого лица, а сам рассказчик чаще всего выступает в роли наблюдателя. С появлением каждого нового персонажа (автор вводит персонажей вплоть до предпоследней главы) к образу главного героя добавляются новые детали. Так создается полиперспектива, и каждый последующий персонаж дополняет портрет главного героя новыми чертами, привносит в повествование новые факты.

В то же время все персонажи романа представлены через призму восприятия нарратора, который отбирает для своего рассказа наиболее релевантные, на его взгляд, факты, так как зачастую сам не является непосредственным участником описываемых событий. Таким образом, субъективная оценка проявляется не только в описании героев произведения, но и в самом отборе материала.

Для У. С. Моэма его в репрезентации образа англичанина характерно использование приема противопоставления, то есть описание главного героя как человека, не соответствующего образу настоящего британца:

*Strickland was distinguished from most Englishmen by his **perfect indifference to comfort**; it did not irk him to live always in one **shabby room**; he had no need to be surrounded by **beautiful things**. (Maugham, 2005, с. 94)*

*He did not want arm-chairs to sit in; he really felt more at his ease on **a kitchen chair**. <...> I never knew a man so **entirely indifferent to his surroundings**. (Maugham, 2005, с. 114)*

Образ художника создается «от обратного»: читатель узнает о поведении, вкусе и привычках Стрикленда через описание того, что для него нехарактерно. Среди соотечественников главного героя выделяет абсолютное безразличие

к комфорту и материальной красоте. В приведенных примерах особое внимание автор уделяет описанию обыденного, намеренно подчеркивая непримечательность обстановки. Здесь изобразительность достигается за счет использования предметной лексики. Высказывания отличаются ясностью и точным подбором слов. Своеобразным символом добровольного аскетизма Стрикленда становится стул: на протяжении всего повествования рассказчик несколько раз возвращается к привычке художника всегда садиться на обычный табурет вместо удобного кресла. Таким образом, с помощью этих приемов также актуализируется тема исключительности и отчужденности, так как главный герой оказывается противопоставлен миру, в котором он находится.

Интересно, что контраст в изображении Стрикленда проявляется не только в противопоставлении его окружающим, но и в описании внутреннего конфликта:

He was eternally a pilgrim, haunted by a divine nostalgia, and the demon within him was ruthless. (Maugham, 2005, c. 202)

Автор сравнивает героя с паломником, которого преследует «божественная ностальгия». Однако у его странствий нет «священной цели», и за возвышенным образом скрывается «жестокий демон». Контраст «внутри образа» поддерживается с помощью эпитетов и контекстуальной оппозиции (*pilgrim — demon, divine — ruthless* и т. д.).

Особый интерес представляют художественные средства, с помощью которых автор обращается к теме прошлого. В основе его изображения также находится прием контраста:

The younger generation, conscious of strength and tumultuous, have done with knocking at the door; they have burst in and seated themselves in our seats. The air is noisy with their shouts. Of their elders some, by imitating the antics of youth, strive to persuade themselves that their day is not yet over; <...> they are like poor wantons attempting with pencil, paint and powder, with shrill gaiety, to recover the illusion of their spring. <...>The pendulum swings backwards and forwards. The circle is ever travelled anew. (Maugham, 2005, c. 36)

В приведенном отрывке автор обращается к классическому противопоставлению старого и нового поколений. На лексическом уровне оно снова проявляется через ряд оппозиций: *youth — elders, us — they*. Благодаря этому в воображении читателя создается контрастный образ, соединяющий противоположные стороны спектра. Метафорически описано, как на место одного поколения приходит другое. Читатель слышит, как молодые писатели врываются (*burst in*) с шумом (*shouts*) и без стука (*have done with knocking*). Яркий образ поддерживается благодаря лексике, связанной с первичными, «корневыми» чувствами человека. К старшему поколению автор относится с нескрываемой иронией, которая проявляется в сравнении с «несчастливыми распутницами» (*like poor wantons*). Старикам остается подражать былой молодости, которая метафорически представлена в образе весны как периода расцвета жизненных сил.

Наконец, экспрессивность высказыванию придает звуковая аллитерация согласного звука [p] при перечислении арсенала омоложения (*pencil, paint and powder*). В последнем предложении эпизода возникает хорошо известный образ маятника — *pendulum*, символизирующий время и движение по кругу. Таким об-

разом, изображается естественность и повторяемость процесса смены поколений. Такое авторское осмысление времени позволяет проследить динамику даже в рамках одного произведения, так как намеренно подчеркивается связь прошлого с настоящим.

Одним из наиболее выразительных приемов, с помощью которого описываются внешность и манера поведения героя, а также транслируются основные темы произведения, является ирония. Посредством иронии лучше всего отражается субъективное отношение автора, а также усиливается экспрессивность повествования. Прежде всего авторской иронии подвергается светское общество:

*It was the kind of party which makes you wonder why the hostess **has troubled to bid** her guests, and why the guests **have troubled to come**. They met **with indifference**, and would part **with relief**. <...> The Stricklands "**owed**" dinners to a number of persons. (Maugham, 2005, с. 44)*

Использованные в переносном смысле глаголы *bid* и *owned* метафорически описывают взаимоотношения хозяев и гостей; в основе этих отношений лежит не столько дружеская привязанность, сколько вынужденная условность. Их встреча — часть рыночных отношений, а любезности — условная валюта. Параллельная конструкция и лексический повтор *have troubled* способствуют созданию комического эффекта, который также поддерживают контекстные синонимы *indifference* и *relief*. Так автор создает карикатурный образ светского общества, в качестве его отличительной черты демонстрируя искусственность и наигранность.

В построении смыслов романа Моэма прежде всего следует отметить особенности его членения. В делении художественного текста соблюдается принцип равномерности с учетом параметра объема. Роман состоит из 58 глав, каждая из которых представляет собой законченную мысль, а их построение и объем (протяженность) способствуют лучшему восприятию и служат поддержанию ясности текста на уровне его структуры.

Авторская речь отличается особой изобразительностью в завязке, когда впервые появляются герои романа и дается описание месту действия. Основной задачей автора на этом этапе является привлечение внимания читателя, поэтому в тексте присутствует большое количество образных средств. Интересно, что в романе такой подход наиболее характерен для описания второстепенных персонажей, в то время как при первой встрече с главными героями писатель намеренно подчеркивает их обыденность.

В повествовании прослеживается определенная последовательность: сначала дается описание окружающего пространства или внешности персонажа, в котором уже заложена субъективная оценка автора, и только после этого герой обретает голос и получает собственную речевую характеристику. К середине романа преобладающей формой повествования становится диалог. Разговорная речь отличается заметно меньшей выразительностью. Персонажи общаются простыми предложениями, возникает большое количество эллиптических конструкций. В главах, построенных на диалоге, быстрее развивается действие романа. Чем быстрее происходит развитие сюжета, тем меньше средств речевой образности используется в тексте. Таким образом, событийность здесь преобладает над изобразительностью.

Для продолжения исследования был взят роман Ивлина Во «Возвращение в Брайдсхед». В отличие от Сомерсета Моэма, который стремился восстановить историю Чарльза Стрикленда в хронологическом развитии с сохранением точности фактов, изображение прошлого у И. Во носит характер переосмысления. В то время как У.С. Моэм рассуждает над возможными сценариями развития событий и альтернативными способами изображения героев, рассказчик И. Во больше размышляет о значении случившегося в своей жизни и его влиянии на настоящее. Память для него становится способом познания себя и диалогом с самим собой, а не просто рассказом о случившемся.

*My theme is memory, that **winged host** that soared about me one grey morning of wartime. These **memories, which are my life** — for we possess nothing certainly except the past — were always with me. (Waugh, 2012, c. 215)*

В репрезентации темы памяти наиболее выразительны сравнительные конструкции и метафоры. Память для рассказчика — крылатое существо, неожиданно захватившее его во время войны. В то же время воспоминания — это и есть сама жизнь. В каком-то смысле герой видит прошлое чем-то материальным, что выражается в употреблении глагола *possess* в значении «иметь что-то, чем-то обладать». Наличие разных образов выражает не только субъективную оценку рассказчика, в том числе в них отражаются поиски подходящего определения для собственных воспоминаний.

В ответ на необходимость дать более широкую картину прошлого рождается образ Молодой Англии и противопоставление разных поколений, подобное тому, что мы видели в тексте У.С. Моэма:

*In the weeks that we were together **Hooper became a symbol me of Young England**, so that whenever I read some public utterance proclaiming what **Youth demanded in the Future and what the world owed to Youth**, I would test these general statements by substituting 'Hooper' and seeing if they still seemed as plausible. Thus in the dark hour before reveille I sometimes pondered: '**Hooper Rallies**', '**Hooper Hostels**', '**International Hooper Cooperation**', and '**the Religion of Hooper**'. He was the **acid test** of all these alloys. (Waugh, 2012, c. 15)*

Разница в мировоззрении устанавливается за счет приема контраста, так как сам повествователь противопоставляет себя представителям новой Англии. Их он показывает через описание офицера Хупера, попавшего в армию против своей воли. Этот персонаж отличается от рассказчика поведением, привычками, воспитанием и образованием. В образе Хупера посредством синекдохи И. Во создает портрет всего юного поколения. Он также сравнивает офицера Хупера с «кислотной пробой» (*acid test*) для всего, что связано с новым поколением: «Общежития для Хупера», «Солидарность Хуперов во всем мире», «Хупер и религия».

Помимо темы прошлого, в романе осмысливается тема английскости, воплощенная в представителях класса аристократии. Примечательно, что основные черты английскости определяет Энтони Бланш, который сам не является англичанином по этнической принадлежности. Так создается контраст восприятия: автор показывает образ англичанина чужими глазами.

*It was **charm** again, my dear, **simple, creamy English charm, playing tigers** <...> **Charm is the great English blight**. It does not exist outside these damp islands. It spots and kills anything it touches. (Waugh, 2012, c. 260)*

В качестве отличительной черты герой выделяет «английское обаяние», дополняя характеристику таким эпитетом, как *creamy* («сливочный»). Неоднозначность обаяния с «тигровой шкурой» проявляется в метафоре *playing tigers*. Под внешним дружелюбием подразумевается английское высокомерие и сдержанность в проявлении чувств, которые герой в дальнейшем сравнивает с понятием *blight*. Согласно Оксфордскому словарю, *blight* обозначает «что-то, что оказывает очень плохое влияние, часто в течение длительного времени». Таким образом саркастически подчеркивается фальшивость в характере англичан, которая, по замечанию героя, нередко вредит им самим.

It seemed to me that there was something a little gentlemanly about your painting. You must remember I am not English; I cannot understand this keen zest to be wellbred. English snobbery is more macabre to me even than English morals. (Waugh, 2012, с. 258–259)

Картины английского художника также отражают национальные особенности. Так, в определении *gentlemanly* сочетается набор характеристик, в число которых входит вежливость, образованность и воспитание. С помощью сарказма выделено стремление англичан демонстрировать хорошие манеры (*wellbred*), что особенно характерно для представителей аристократического класса. Наконец, в качестве обобщенной характеристики упоминаются «английский снобизм» и «английские нравы».

Описание английского характера также содержится в авторской речи. Следует отметить, что, как и У.С. Моэм, Ивлин Во довольно часто обращается к приему иронии в создании образа типичного англичанина:

There were half a dozen of these friends in the Tapestry Hall: politicians; “young Conservatives” in the early forties, with sparse hair and high blood-pressure; ... (Waugh, 2012, с. 261)

Автор создает ироничный образ общества в доме Джулии Моттрем, называя сидящих сорокалетних политиков «молодыми консерваторами». Упоминание партии также можно рассматривать как характерный маркер временного периода, предшествовавшего началу войны. Усилению комического эффекта и повышению экспрессивности способствует зевгма «с залысиной и гипертонией» (*with sparse hair and high blood-pressure*), где в качестве однородных определений используются понятия из разных сфер.

В контексте нашего исследования особый интерес представляет композиция текста Ивлиана Во. Роман делится на следующие структурные элементы: пролог, эпилог и три книги, каждая из которых, в свою очередь, состоит из отдельных глав. Следует отметить, что каждая из перечисленных частей романа имеет отдельное название.

Так, пролог и эпилог отмечены заголовком *Brideshead Revisited*, что можно рассматривать как наглядный пример кольцевой композиции. Повседневный быт армии в завязке и заключении романа образуют повествовательную рамку и отмечают точку настоящего на временной шкале. Также в прологе обозначается художественная значимость поместья Брайдсхед для дальнейшего повествования.

Название первой книги представляет собой латинское крылатое выражение *Et in Arcadia ego*. В нем содержится аллюзия на одноименную картину французского художника Николя Пуссена «Аркадские пастухи». В образе Аркадии вопло-

щен рай, где гармонично сосуществуют человек и природа. В то же время на полотне изображен череп, символизирующий смерть. Таким образом художник переосмысливает значение латинской фразы «И в Аркадии я есть», указывая на то, что даже в райском месте жизнь не может длиться вечно. Благодаря включению такого сильного образа в заголовок Ивлин Во заранее формирует у читателя представление о сюжете. В этой книге происходит знакомство с героями романа и создается образ поместья Брайдсхед.

Название второй книги *Brideshead Deserted* образует интересную симметричную конструкцию вместе с вступительной и заключительной частями романа. Снова появляется топоним Brideshead, что служит еще одним композиционным указателем на центральное положение усадьбы в произведении. Под опустошением (*deserted*) понимается отъезд главного героя и прерывание отношений с семьей Марчмейн, также начавшийся разлад в отношениях внутри семьи.

Наконец, в названии заключительной третьей книги содержится фраза *A Twitch Upon the Thread*. Сочетание взято из рассказов Г.К. Честертон об отце Брауне и впервые появляется в романе И. Во к концу первой книги. Тогда Корделия объясняла главному герою, что членов ее семьи нельзя назвать образцовыми католиками, так как ее отец, брат Себастьян и сестра Джулия оставили веру. Вынесение фразы в заголовок третьей книги предвосхищает развязку религиозной линии романа. Таким образом, особенность авторского стиля отражается в обращении к аллюзиям на уровне организации текста.

В дальнейшем членении текста на главы проявляется особый способ проекции авторской мысли, так как в качестве подзаголовка коротко описаны основные события. Например:

I meet Sebastian Flyte — and Anthony Blanche — I visit Brideshead for the first Time (Waugh, 2012, c. 77)

Lord Marchmain at home — death in the Chinese drawing-room — the purpose revealed Time (Waugh, 2012, c. 296)

Примечательно, что в названии автор восстанавливает хронологическую последовательность событий, хотя нарратив нельзя назвать последовательным. Таким образом, композиция становится важным элементом в раскрытии темы памяти. С одной стороны, технически ход событий понятен из заголовка, с другой стороны, большее значение имеет ретроспективный способ изображения.

На заключительном этапе исследования мы обратились к постмодернистскому тексту Дж. Барнса, в котором прослеживается подход к национальной истории как к человеческой памяти, что позволяет героям произведения интерпретировать исторические события в более выгодной форме для достижения коммерческого успеха. Например:

You — we — England — my client — is — are — a nation of great age, great history, great accumulated wisdom. Social and cultural history — stacks of it, reams of it — eminently marketable, never more so than in the current climate. <...> If I may coin, no, copyright, a phrase: We are already what others may hope to become. This isn't self-pity, this is the strength of our position, our glory, our product placement. We are the new pioneers. We must sell our past to other nations as their future! (Barnes, 2000, c. 45)

В речи Джерри Бэтсона проявляется коммерческий подход к прошлому, что можно рассматривать как характерную особенность эпохи. Для людей нового времени история — такой же объект торговли. Об этом свидетельствует лексика из области маркетинга: *client, copyright, marketable, product placement, sell* и т. д. Наглядным подтверждением также служит появление рекламного слогана *We are already what others may hope to become* («вы движетесь, а мы уже пришли»). Наконец, в речи героя встречаются лексические повторы: *great, our*. Во-первых, с их помощью строится градация, составляющие которой расположены в порядке возрастающей смысловой значимости, где главный акцент приходится на последний элемент (*accumulated wisdom, product placement*). Во-вторых, они способствуют усилению экспрессивности и привлекают внимание читателя, что и является основной функцией рекламного текста. Таким образом, автор расширяет систему образных средств с помощью включения элементов, характерных для разных функциональных стилей речи.

В изображении исторического прошлого Дж. Барнс так же, как и писатели, рассмотренные выше, обращается к сопоставлению прошлого и настоящего. Однако, в отличие от И. Во и У. С. Моэма, прошлое и настоящее не столько противопоставляются, сколько отождествляются: «я» — «мы» — «Англия» — «великая история» — «накопленная мудрость». Кроме того, размышления направлены не только на осмысление своего прошлого, но и на будущее развитие. Так проявляется влияние постмодернистской модели мышления, которая привносит новые параметры, предлагая возможные сценарии для интерпретации будущего.

Наиболее наглядно тема подлинности отразилась в центральном образе романа — проекте уникального парка на острове Уайт. Его идейной основой является воплощение старой доброй Англии. Однако важным становится не то, что Англия из себя представляет на самом деле, а то, что о ней думают. Джулиан Барнс доводит до предела способ определения английскости, предлагая читателю список стереотипных ассоциаций:

1. ROYAL FAMILY
2. BIG BEN/HOUSES OF PARLIAMENT
3. MANCHESTER UNITED FOOTBALL CLUB
4. CLASS SYSTEM
5. PUBS
6. A ROBIN IN THE SNOW
7. ROBIN HOOD AND HIS MERRIE MEN
8. CRICKET
9. WHITE CLIFFS OF DOVER
10. IMPERIALISM

<...>

(Barnes, 2000, с. 86–87)

Перечисленные позиции объединяют особенности английских традиций, культуры и быта. Здесь образность достигается за счет употребления лексики, насыщенной национально-культурной семантикой. Приведенный список черт национальной идентичности можно разделить на несколько категорий.

К историческим и общественно-политическим реалиям относятся имена знаменитых политиков и правителей, а также названия некоторых ключевых событий в истории Британии (*Royal Family, Winston Churchill, Battle Of Britain*). Образ культурного наследия Англии передан через упоминания о Шекспире, Робин Гуде и «Алисе в стране чудес». Привычки англичан воплощены в пунктах «чаепитие», «завтрак» и «садоводство». Наконец, перечисление топонимов (*White Cliffs Of Dover*) и других объектов окружающей действительности (*Stonehenge, Big Ben/Houses of Parliament, London taxis*) создает представление о среде, в которой живут англичане. Несмотря на формальное отсутствие образных средств, наличие «списочного» элемента текста придает произведению особую выразительность. Таким образом, динамика в использовании художественных средств проявляется в расширении способов создания образности: в её системе появляются элементы, присутствие которых еще недавно не рассматривалось возможным в рамках данного функционального стиля.

Тем не менее, изображение английскости не ограничивается данными общественного опроса; оно также осмысливается отдельными героями:

It's really, how do we advertise the English? Come and meet representatives of a people widely perceived, even according to our own survey, as cold, snobbish, emotionally retarded, and xenophobic. As well as perfidious and hypocritical, of course. (Barnes, 2000, c. 108)

Сарказм отражается в перечислении стереотипных характеристик англичан, где сдержанность в проявлении чувств и эмоций именуется «эмоциональной отсталостью» (*emotionally retarded*) и холодностью, а патриотизм граничит с ксенофобией. Очевидно, что Марта не согласна с перечисленным набором качеств, но намеренно акцентирует внимание на негативных характеристиках. В то же время описанный эпизод можно рассматривать и как пример английского чувства юмора, также дополняющий изображение национального характера.

Обратим внимание на особенности композиции постмодернистского текста Джулиана Барнса. Роман состоит из трех частей, отличающихся друг от друга по объему и стилю написания. В первой части описана история детства главной героини Марты Кокрейн. Символично, что именно в части под заголовком *England* автор вводит в повествование образ паззлов, которые Марта собирала в детстве. В контексте романа паззл «Графства Англии» можно считать символом английской идентичности:

...there was Kent pointing its finger or its nose out at the Continent in warning — careful, foreigners over there; Oxfordshire playing spoons with Buckinghamshire and squashing Berkshire flat; Nottinghamshire and Derbyshire like side-by-side carrots or pine-cones... (Barnes, 2000, c. 13)

Автор намеренно привлекает внимание читателя к детской игре при помощи средств, усиливающих изобразительность. Так, посредством олицетворения Кент обретает палец и нос, направленные в сторону континента (*pointing its finger or its nose*); графства Бакингемшир и Оксфордшир «играют ложками» (*playing spoons*). Метафорически описано положение Беркшира, который скоро «раздавят» (*squash*) соседние графства. Наконец, Ноттингемшир и Дербшир благодаря внеш-

нему сходству напрямую сравниваются с морковками и сосновыми шишками (*like side-by-side carrots or pine-cones*).

В приведенном выше описании есть стилистически значимая особенность: набор сравнительных образов иллюстрирует восприятие игры маленькой девочкой. Таким образом, благодаря подбору соответствующих образных средств автор вводит в повествование элементы несобственно-прямой речи. В результате создается двуплановость высказывания, в котором через рассказчика транслируются мысли и чувства персонажей. К такому способу повествования рассказчик, не являющийся непосредственным участником описываемых событий, обращается на протяжении всего романа.

Вторая и самая большая по объему часть, в которой разворачиваются основные события романа, делится еще на три главы: создание проекта и строительство парка на острове Уайт, открытие развлекательного центра и смена руководства острова с последующей отставкой Марты. Прежде всего, стоит отметить название второй части *England, England*:

*Once upon a time this used to be the Isle of Wight, but its current inhabitants prefer a simpler and grander title: they call it **The Island**. Its official address since **declaring independence** two years ago is typical of Sir Jack Pitman's **roguish, buccaneering style**. He named it **England, England**. Cue for song.* (Barnes, 2000, с. 174)

В первую очередь, выразительность создается на грамматическом уровне. Официально провозглашенная независимость острова Уайт проявляется в употреблении определенного артикля *The Island*, указывающего на его исключительность. Отныне название острова представляет собой его официальный адрес, который и вынесен в заголовок: административная область — Англия, страна — Англия. Решение закрепить за островом именно такое название иронично названо хулиганским и бесшабашным с помощью эпитетов *roguish* и *buccaneering*. Наконец, важной интертекстуальной отсылкой, характерной для постмодернизма, является последняя строчка: *Cue for song*. При этом конкретное указание или название песни отсутствует, но знающий читатель может реконструировать его по аналогии с названием острова. Отсылка на текст популярной в США патриотической песни *America, America* присутствует в тексте имплицитно.

Наконец, в заключительной части романа *Anglia* описано возвращение Марты с острова Уайт в старую Англию. Однако за несколько лет существования искусственного государства на острове геополитическое положение настоящей Англии в мире существенно изменилось:

*The old **administrative division into counties was terminated**, and new provinces were created, based upon **the kingdoms of the Anglo-Saxon heptarchy**. Finally, the country declared its **separateness from the rest of the globe** and from the Third Millennium by changing its name to **Anglia**. The world began to forget that 'England' had ever meant anything except **England, England**, a false memory which the Island worked to reinforce; while those who remained in **Anglia** began to forget about the world beyond.* (Barnes, 2000, с. 244)

Здесь автор снова прибегает к образу паззлов «графства Англии», описанному в первой части романа. В изменении административно-территориального деле-

ния страны отражаются принципы игры, в которую Марта играла в детстве. Через изображение старой Англии писатель подводит итог всех тем, освещенных в произведении. Снова объединяется тема личного и исторического развития: Марта возвращается в страну, где она родилась и выросла, к своим истокам возвращается Англия (прежнее деление на англо-саксонские королевства — *the kingdoms of the Anglo-Saxon heptarchy*). Историческое движение в обратную сторону прослеживается в заголовке *Anglia* как историческом названии «страны англов». Окончательно оформляется противопоставление между Англией и островом Уайт, Англией и всем миром. Таким образом, автор доводит до абсурда конфликт настоящего и фальшивого. Весь мир забывает о существовании аутентичной Англии, которая взаимно забывает о мире за её пределами.

ВЫВОДЫ

Итак, благодаря проведенному исследованию мы установили, что динамический аспект текста отображается не только при сопоставлении отдельно взятых художественных произведений, но и внутри каждого из них. Сопоставление нескольких произведений позволяет проследить влияние экстралингвистических факторов на построение системы образов. Кроме того, с течением времени и развитием новых литературных течений изменяется авторский приоритет в использовании образных средств. Наконец, изменяется модель художественного мышления, что обуславливает изменение принципов построения самой системы образных средств.

В течение XX века представителями британской культуры были подвергнуты переосмыслению темы памяти и воспоминаний. Для английского романа начала века характерно линейное восприятие времени, в рамках которого повествование разворачивается как цепочка последовательных событий. В середине века осмысляются вопросы прошлого в контексте настоящего. Влияние Второй мировой войны проявляется в отсутствии временного пласта будущего. Наконец, к концу столетия отмечается принципиально иное осмысление времени, когда прошлое и будущее представлены как неотъемлемая часть настоящего.

Исследование показало изменение подхода в создании образа англичанина и определении понятия английскости. В репрезентации данной темы наиболее заметен переход от использования иронии к сатире, демонстрирующий размытые границы в определении национального самосознания.

Полученные в ходе исследования результаты способствуют актуализации проблемы изучения динамического аспекта в изменении системы образных средств и дополняют уже существующие исследования творчества У. С. Моэма, И. Во и Дж. Барнса как явления уникальной авторской поэтики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Борисова, Е. Б. О содержании понятия «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике/Е. Б. Борисова//Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 35 (173). — С. 20-26.

2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — 5-е изд., стер. М.: КомКнига, 2007. — 144 с. — ISBN 978-5-484-00854-4.
3. Гридин, В. Н. Экспрессивность [Текст] / В. Н. Гридин // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 591.
4. Думназева, В. А. Специфика феномена «образное слово» / В. А. Думназева // Вестник РУДН. — 2011. — № 2. — С. 31–38.
5. Зорина, Е. С. К вопросу о синтаксической структуре современного художественного текста / Е. С. Зорина // Вестник СПбГУ. — 2013. — № 3. — С. 160–165.
6. Зотова, А. Б. К вопросу о соотношении категорий «эмоциональность», «эмотивность», «экспрессивность» / А. Б. Зотова // Известия ВГПУ. — 2010. — С. 14–17.
7. Кожина, М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М. Н. Кожина. М.: Изд-во «Флинта», 2003. — 696 с. — ISBN 5-89349-342-7.
8. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. — Ростов н/Д.: Феникс, 2010. — 562 с. — ISBN 978-5-222-17060-1.
9. Рыжих, М. В. Полиmodalность — образность — иконичность / М. В. Рыжих // Вестник МГЛУ. — 2016. — № 19 (758). — С. 103–109.
10. Хазагерров, Т. Г., Ширина Л. С. Общая риторика: Курс лекций / Т. Г. Хазагерров, Л. С. Ширина. — Ростов н/Д.: Феникс, 1999. — 320 с. — ISBN 5-222-00561-51.
11. Barnes, J. England, England. / J. Barnes. — L.: Vintage, 2000. — 259 с. — ISBN 978-0375705502.
12. Maugham, W. S. The Moon and Sixpence. / W. S. Maugham. — L.: Penguin Books Ltd, 2005. — 231 с. — ISBN 978-0143039341.
13. Oxford Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxford-learnersdictionaries.com> (дата обращения: 19.04.2021–05.06.2021).
14. Waugh, E. Brideshead Revisited. / E. Waugh. — N. Y.: Hachette Book Group, 2012. — 336 с. — ISBN 978-0316216456.

Nikolaev Sergey G.,

*Chairperson of the English Philology Department,
Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication,
Southern Federal University, Doctor of Letters, Professor, Rostov-on-Don, Russia*

Zagoruiko Arina D.,

*Master's Degree Student of the English Philology Department,
Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

IMAGERY WITHIN THE STRUCTURE OF A LITERARY TEXT IN A DYNAMIC ASPECT (A CASE STUDY OF THE 20TH CENTURY BRITISH NOVEL)

The choice of figurative means in the structure of a literary text was changing throughout the twentieth century. The nature of these changes is of particular interest, so the purpose of this study is to trace the development of the system of figurative means given the peculiarities of the author's style and historical era. This study also examines the functions of figurative means in a literary text. The ways of its segmentation are also considered.

Key words: figurative means; the system of imagery; figurativeness, expressiveness, emotionality and expressiveness; the dynamic development of stylistic means; the structure of a literary text.

Порядок предоставления материалов для публикации в журнале «СВШ»

Статья направляется в редакцию издания по электронной почте самим автором или уполномоченным автором (в случае коллективного авторства статьи).

Адрес электронной почты редакции: sputnik-nauki@yandex.ru.

Плата за опубликование статьи в журнале с авторов не взимается, кроме случаев, когда автору необходимо оказание дополнительных редакционно-издательских услуг.

Перечень платных услуг редакции см. на обороте этой страницы.

Подробные рекомендации по оформлению направляемой статьи — см. на сайте издания, в разделе «Авторам»: <https://sputnik-nauki.ru/avtoram>.

В комплект файлов заявки входят:

- файл авторской анкетной формы;
- файл статьи;
- файлы иллюстраций (при наличии): схемы, фотографий, таблиц — допустимые форматы указаны в разделах «Оформление иллюстраций» и «Оформление таблиц»;
- файлы дополнительных шрифтов (при необходимости, если в тексте используется не только гарнитура Times New Roman).

Наименование файла статьи должно состоять из сочетания фамилии, инициалов автора (первого автора, если над статьей работал авторский коллектив) и указания жанра материала (статья, рецензия, обзор и пр.), разделенных знаком нижнего подчеркивания: «Петров А А статья.doc» или «Иванов И В рецензия.doc».

Материалы направляются в электронном виде в формате текстового редактора MS Word, TextMaker или OpenOffice (расширения doc, docx, odt или rtf).

Объем статьи не должен превышать 45 тыс. знаков (с пробелами) без учета сносок и иллюстраций.

Характеристики форматирования авторского текстового оригинала:

- шрифт — Times New Roman;
- размер бумаги — А4;
- ориентация листа — портретная;
- размер (кегель) шрифта текста статьи — 14 пунктов;
- междустрочный интервал — полуторный;
- поля страницы — 2 см по периметру (одинаковые по всем четырем сторонам).
- выравнивание текста статьи выполняется по ширине (по формату);
- абзацный отступ — 1 см (исключая заголовки, формулы и иной текст, выровненный по центру листа);
- страницы должны быть пронумерованы (колонцифра располагается в нижнем поле страницы, по центру).
- в случае использования в тексте публикации символов из других шрифтовых гарнитур (не Times New Roman) файлы используемых нестандартных шрифтов (только ttf или otf) следует приложить к оригиналу статьи.

Услуги, предоставляемые редакцией на платной основе (по запросу автора)

- обработка статьи в соответствии с редакционными требованиями (включая подбор УДК);
- редакторские услуги (литературная правка текста статьи);
- корректорская вычитка текста статьи;
- приведение библиографического списка статьи в соответствие с действующими издательскими стандартами;
- подготовка аннотации, ключевых слов, оформление титульной страницы статьи на русском и английском языках;
- текст рецензии на статью в электронном виде;
- авторское свидетельство о публикации статьи;
- печатный экземпляр издания.

Адрес редакционной коллегии:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 52–56, пом. 22.

Тел.: 8 (863) 241-37-43, 246-08-68.

E-mail: sputnik-nauki@yandex.ru, <https://sputnik-nauki.ru>

Журнал зарегистрирован в Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Регистрационный номер: Эл №ФС77-81697 от 19.08.2021 г.

Выходит ежеквартально.

Главный редактор — Д. В. Нефёдов.

Корректор — П. В. Багров.

Дизайн-модель издания — © Д. В. Нефёдов

Верстка — издательство «Профпресслит», www.profpreslit.ru

Отпечатано в редакционно-издательском комплексе «Профпресслит».
Сдано в набор 27.09.2021. Подписано в печать 29.09.2021. Формат 64x80/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Minion Pro.
Усл. печ. л. 12. Тираж 200 экз.

Любая перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций